

РОМАН О ЛЮБВИ И СМЕРТИ

Я стану Бабой Ягой

ГАЛИНА ШЕСТАКОВА

16+

Галина Шестакова
Я стану Бабой Ягой

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шестакова Г.

Я стану Бабой Ягой / Г. Шестакова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-04414-2

Когда ты всё утро размышляешь о Бабе Яге, естественно, что встречаешь Кощея Бессмертного. С этого момента всё меняется в жизни Ядвиги. Любовь, убийства, русалки, водяные, старинные книги, опасные враги. Загадочный Петербург, старинные особняки и бабушка – Баба Яга. Вымышленные истории переплетаются с историей настоящей - зеркало Дракулы, купленное купцами Брусницыными. Охочи были купцы до всяких редкостей, раз в кураже купец Брусницын, купил, точнее отбил у европейского принца яхту. Не принц, а прыщ европейский, не сдюжил с русским купцом тягаться. Фото для обложки взято из открытых источников

ISBN 978-5-532-04414-2

© Шестакова Г., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	31
Глава 11	33
Глава 12	35
Глава 13	38
Глава 14	40
Глава 15	43
Глава 16	45
Глава 17	48
Глава 18	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Глава 1

– Ты сегодня кто? Баба Яга или Красавица?

От такого вопроса Ядвига даже подпрыгнула, но потом поняла, что обращаются всё-таки не к ней. Она пригляделась внимательнее – немолодой, но спортивного телосложения, загорелый, голубоглазый мужчина спрашивал это у своей ярко-рыжей собаки, очень похожей на лайку. И она была явно не в настроении.

«Видимо, Баба Яга» – констатировала Ядвига, потом сама себя одёрнула: «Вот почему, если плохая, значит – Баба Яга?». Мужчина явно не мучил себя такими философскими вопросами и просто сообщил своей питомице, которая с остервенением облаивала мелкую собачонку:

– Да, Рада, сегодня ты явно Баба Яга. Пошли домой, – и подмигнул Ядвиге, отчего она смутилась и слегка порозовела. – А вот вы, девушка, сегодня Красавица!

Ядвиге было приятно за «девушку», хоть она уже давно вышла из девичества. Ещё раз, осторожно глянув на мужчину, она неуверенно улыбнулась. Жмурясь от неяркого сентябрьского солнца, Ядвига поспешила на работу. Настроение стало значительно лучше. Лёгкая меланхолия, которая с утра прочно поселилась у неё в душе, куда-то развеялась, но вопрос с Бабой Ягой мелкой занозой сидел в голове.

– Вот почему же такая несправедливость к этому персонажу, – размышлять на ходу приятно: шагаешь размеренно, и мысли также постепенно раскручиваются в нужную сторону. – Чем так прогневала милая старушка? Хотя, почему же старушка, была ж она когда-то и не старушкой, наверное, и красавицей была... И в сказках ведь, бывало, помогала Иванам, то царевну спасти, то полцарства приобрести. Так чем так она прогневала всех?

У Ядвиги был особенный пунктик по всем несправедливым, по её мнению, названиям. Да и как тут не негодовать, если её собственные родители умудрились назвать «Ядвига».

Вот, скажите на милость, что за имя для ребёнка «Ядвига»? Как можно маленькую девочку с таким именем называть ласково? Яда? Ягги? Ну, приходит, хоть какой-то вариант на ум? Нет? Вот, вот... и у родителей его тоже не было. А в школе? Как она мечтала быть хоть Машкой, хоть Зинкой, лишь бы её имя нормально можно было склонять...

А то, что учителя, что ребята, язвительно кривя рот, ядовито выговаривали – «Ядвига».

Хуже всего обстояло с фамилией – Петухова. Так, была бы Наташа Петухова – обычное сочетание. А тут – Ядвига Ивановна Петухова – настоящий вызов для любителей давать клички. Всё виноват дед, польский аристократ, сосланный в глухомань на Урал, Войцех Бржезинский. Он настоял, чтобы внучка имела польское родовое имя Ядвига. Папа не посмел тестю возразить, кто он – простой Иван. Вот и мучилась она с самого детства, Ядвига Ивановна Петухова. Остались бы польские имя, отчество и фамилия, попробуй, кто скривиться. И почему маму назвали нормальным звучным Мария, а её – родовым польским, так и осталось семейной тайной, по крайней мере, для Ядвиги.

«И чем она, Баба Яга, прогневать так смогла всех, что как ни сказка, так – старая, страшная, с бородавками и злая?» – Ядвига попыталась представить себе Бабу Ягу, и воображение услужливо нарисовало картинку – сморщенная неопрятная старуха. «Фу, – поморщилась Ядвига, – ну вот почему? Ведь когда-то была и она молодой? Красивой, даже. Хотя, все молоденькие девушки красивые, только вот не понимают этого».

С мыслями о несправедливости во всём мире Ядвига, наконец, подошла к главной пермской библиотеке, имевшей внушительный вид на улице Ленина. Внутри всё почти сохранилось в первозданном виде, разве что старые стеллажи да стулья поскрипывали, да краска на стенах выцвела со временем. Но Ядвига, как только появлялись средства, направляла их исключительно на пополнение библиотечных фондов и техническое оснащение, справедливо полагая,

что, в первую очередь, это удобнее для читателя, нежели новый слой краски на старых колоннах и пилястрах.

Ядвига поднялась на третий этаж, по пути поприветствовав сотрудников, и упёрлась взглядом в ненавистную табличку на двери «Директор областной библиотеки Петухова Ядвига Ивановна». Слишком важная и помпезная, вся в золоте и с завитками. Каждый раз, заходя в кабинет, Ядвига чувствовала себя пафосной, но консервативной блюстительницей порядков в Храме Знаний.

И чтобы вывести себя из этого сомнамбулического состояния, Ядвига наполняла кабинет дикими, по мнению старейших работников библиотеки, вещами. Здесь, на фоне выцветших жёлтых стен, обитали картины художников авангардистов, приятелей Ядвиги; абстрактные скульптуры соседствовали с тряпичными ангелами; лопнувшую местами обивку неудобных кресел скрывали пёстрые деревенские половички. И всё-таки, в таком хаосе, всё это как-то сочеталось друг с другом. Видимо, потому, что Ядвига была сама завершающим элементом смелой композиции.

Тяжело вздохнув и поскрежетав ключом в замке, Ядвига открыла дверь. За столом посетителей, сложив ноги на этот самый стол, сидел взлохмаченный молодой человек, весь в коже, черепах и заклёпках, и очень приветливо улыбался.

– Привет! Я довольно давно тебя тут жду, Ягги!

– Да? – Ядвига так и осталась стоять с ключом в руках, даже опешив от такого фамильярства. – Ждёте? Зачем?

– Как зачем? Я к тебе по делу, Ягги! – ещё шире заулыбался молодой человек.

– Так! – спохватилась Ядвига. – Во-первых, я не Ягги, а Ядвига Ивановна. Во-вторых – уберите ноги со стола!

– В-третьих, – подхватил её тон наглый посетитель, – кто ты такой и как ты попал в закрытый кабинет? Да?

– Да! – поддалась на провокацию Ядвиги. – Именно это я и хотела спросить.

– Ах, Ягги, не будь такой предсказуемой! – воспитанность явно не была главной чертой молодого человека. – Ну что с тобой сделал этот угрюмый кабинет, ты не такая!

– Да откуда вы знаете, какая я?! И не смейте называть меня Ягги, как какую-то Бабу Ягу, и прекратите так нахально улыбаться в моём кабинете! – логика, напрочь отказала Ядвиге. И не только она, но и самообладание тоже, поэтому последние слова, она почти прокричала срывающимся голосом.

– Хорошо, Ягги, – парень перестал улыбаться, – давай так, я сниму ноги со стола, покажу тебе все бумажки, а ты спокойно меня выслушаешь и перестанешь нервничать. Хорошо? Ягги... – видимо произносить её имя в такой интерпретации доставляло ему массу удовольствия, и звучало оно с какой-то неуместной нежностью.

Ядвига с осторожностью его обошла, и, усевшись в родное кресло за стол, отделявший её от собеседника, почувствовала себя уверенней.

– Ну вот, всё хорошо Ягги, не бойся меня. И потом, Баба Яга, не бывает, какой-то. Какой-то бывает Марьиванна из соседнего подъезда. А Баба Яга – это личность! – он явно заговаривал ей зубы, этими бабами-ягами, но странно, Ядвига успокоилась и стала соображать.

– Так, хватит тут мне рассказывать ерунду сказочную! Это тогда не ко мне, а в отдел детской литературы.

– Нет, нет, – парень проникновенно улыбнулся, – к тебе, Ягги, именно к тебе. Но начнём с самого простого, – он пошарил в кармане куртки, достал довольно мятую бумажку и небрежно перекинул её Ядвиге. – Вот, крайне официальный документ. Смотри, там всё написано. Я библиотекарь-хранитель спецсекции в отделе древностей библиотеки имени Гоголя, города Санкт-Петербурга. Всё как положено, штампы-печати и прочий хлам. Направлен в Пермскую областную библиотеку по обмену опытом. К тебе, по обмену опытом, если ты понимаешь, о чём я... –

он опять улыбнулся подозрительно проникновенно. – Теперь, когда все формальности соблюдены, мы можем побеседовать, как нормальные люди... хмм... люди... а, Ягги?

– Ты... библиотекарь? Не смей меня, – от удивления незаметно для себя Ядвига перешла на «ты», – таких библиотекарей не бывает.

– Так, молодец, уже перешла на «ты» – это хорошо, – со стороны молодого человека, это не осталось незамеченным.

– Вы, – подчёркнуто официальным тоном произнесла Ядвига. – И прекратите называть меня Ягги. То, что ВВІ библиотекарь, не даёт вам никакого права так меня называть.

– Хорошо, – на удивление он легко согласился. – Если тебе не нравится, могу называть тебя по бабушке – Ягишна. Ты ведь не будешь протестовать? И почему таких библиотекарей не бывает? А какие бывают? Я бы тебе показал, но не захватил, к сожалению, свой очень красный диплом, где чётко написано: специальность – библиотекарь. У меня, конечно, масса других специальностей, но библиотекарь мне нравится больше всего.

– Мою бабушку зовут не Ягишна, – холодно ответила Ядвига. – И если вы прибыли к нам действительно по обмену опытом, то, полагаю, вам необходимо отправиться в наш спецхран. Это на четвёртом этаже библиотеки. Я позвоню, вас встретит завотделом. До свидания.

– Нда... Ягги, ты или действительно ничего не знаешь, или очень хорошо притворяешься. – Молодой человек встал и направился к двери. – Но, ничего... у нас есть месяц. И всё решится.

Ядвига приготовилась гневно парировать все его замечания, но не успела. Он тихо закрыл дверь. Ядвига нервно набрала телефон спецхрана:

– Лариса Фёдоровна, к вам сейчас подойдёт молодой человек, – она слегка замялась – Ядвига поняла, что даже не спросила, как его зовут. – Да, молодой человек, такой... в кожаной куртке, лохматый, с зелёными наглыми глазами, он приехал из Питера, из библиотеки Гоголя, к нам по обмену опытом. Ну, вы сразу поймёте, что он библиотекарь. – Недослушав ответ, Ядвига положила трубку и уставилась в окно. И проговорила, про себя ещё раз «да, да... вы сразу поймёте, что он библиотекарь».

День явно не задался. Всё валилось из рук, мысли из головы куда-то исчезали, а в голове крутилось только «Ягги...», причём, с интонациями того библиотекаря. Именно так Ядвига решила его называть. Хотя, хочешь не хочешь перед «библиотекарем» обязательно появлялось «хмм...», вот и получалось «Ягги... Ягги... хмм...библиотекарь».

Глава 2

Так продолжалось целую неделю: «Ягги... Ягги... хмм...библиотекарь», и порядком измотало Ядвигу. Ещё больше утомляло ощущение того, что отпущенное на что-то прекрасное время безвозвратно утекает, точнее, Ядвига ему позволяет утекать, и словно лишается чего-то.

Библиотекарь не проявлял больше к ней интереса, не выходил из своего спецхрана, хотя вся библиотека была похожа на растревоженный улей. Волновалась даже бабушка-гардеробщица Ильинична, вздыхая и романтично закатывая глаза: «Ах, какой милый Костик». Так, по крайней мере, Ядвига узнала, что его зовут Костик.

Всё, кто не был привязан к работе с читателями, постоянно теперь находили предлог, чтобы посетить спецхран, хотя раньше этот отдел совсем не пользовался популярностью. И, правда, что делать среди старых и запыхлённых фолиантов? Там обитали только две души: зав-отделом Лариса Фёдоровна, и её помощник – Борюньчик, тщедушный, неразговорчивый паренёк в очках с толстыми стёклами. Оба насквозь пропахли старыми книгами и были такими же выцветшими, почти как тени.

Совсем другое дело – библиотекарь, Ядвига так и продолжала его называть. Имя Костик удивительно не шло к нему. Какой же он Костик? Длинные чёрные волосы, собранные в хвост, но при этом лохматый вид. Кожаная куртка, чёрная, вся в заклёпках, всяких черепках, костях, цепочках. И, наконец, взгляд, который со всем этим ну никак не вяжется. Никак! Добрый и слишком понимающий. Звали бы его как-нибудь... дерзко! Ядвига задумалась, но так и не смогла подобрать ему имя.

Уже второй рабочий день в голову всё время лезла «сказочная ерунда», как совсем недавно она выразилась. Расстроенная от бесполезно потраченного времени Ядвига вышла на улицу.

После кондиционированного, неживого воздуха бабье лето навалилось тёплом и запахами. Пахло тревожно и сладко, как бывает только в последние дни перед настоящей осенью. Тревожно от понимания невозвратности уходящего тепла. Сколько ещё осталось – день, два... и всё. Будет холод, зима, старость. Какая старость? Ядвига поморщилась, она ещё вполне, да, вполне молода. Это глупая осень надвигающимся холодком внушает такие мысли. А пока тепло нужно успеть насладиться, пусть и ненастоящим летом, бабьим, таким сладким и терпким, быстротечным и прекрасным. Только в это время понимаешь всю его хрупкость. Золотое и яркое небо, первый, почти ненастоящий ледок на лужах. И хочется гулять, запомнить на всю мёрзлую зиму вперёд это беспечное тепло. Так, бесцельно побродив по городу дотемна, Ядвига, совсем запутавшись в своих мыслях, ощущениях и опавших листьях, дошла до дома.

– Ягги? – из тёмных кустов вышел библиотекарь. – Долго ж ты гуляла.

– Бабье лето, понимаешь?

– Лето, понимаю. Самое сладкое время года, – согласился он. – Ты пригласишь меня на чай?

– Конечно. Я ждала тебя, – неожиданно для себя сказала Ядвига. – Знаешь, пожалуй, я соглашусь на Ягги. Но только от тебя.

Её, как и в первый раз, почему-то не удивило его внезапное появление. Точнее, где-то там, в самом далёком романтичном подполье души, было желание увидеть его и услышать «Ягги...». Стараясь не давать разбушеваться этому романтичному подполью, Ягги поднималась по лестнице, ощущая спиной присутствие Кости.

Волнуясь и переживая, будто на первом свидании, она долго не могла открыть замок, а библиотекарь просто стоял рядом и ничего не говорил. Ядвига даже рассердилась на него и приготовилась гневно выказать своё недовольство, как замок щёлкнул, и они попали в квар-

тиру. В комнате было темно и тихо, немного света от уличного фонаря пробивалось сквозь не задёрнутые шторы, и старинные ходики отстукивали минуты.

– Не включай свет, Ягги, – библиотекарь поймал её за руку, притянул к себе, и поцеловал в шею, чуть ниже уха.

Именно этого Ядвига так хотела и боялась, коленки предательски дрогнули...

Глава 3

Уже под утро, лёжа на его костлявом плече, Ягги начала понимать, что произошло, и в голову полезли отнюдь не романтические мысли «У нас большая разница в возрасте, интересно, сколько? О боже, я совратила мальчика, взрослая женщина!». От этих мыслей Ягги горестно начала вздыхать, стараясь не разбудить Костика. «Боже мой! Костика!» – ещё добавила себе чувства вины.

– Ягги, я всё слышу, не притворяйся, что ты спишь, – он нежно поцеловал её в висок. – Что тебя так тревожит?

– Всё хорошо, – Ягги малодушно попыталась уйти от разговора.

– Ягги, чего ты боишься?

Странное дело, Ядвига была старше его, а чувствовала себя рядом с Костей совсем маленькой девочкой, как будто он мудрее, старше её на много-много лет.

– Ягги, говори, не молчи.

– Я тебя совратила! – выпалила она, и зажмурилась.

– Да! – Костя захохотал, очень довольный. – Да! Это ты, оказывается, меня совратила! Какая прелесть!

– Костя! – она первый раз назвала его по имени. – Это серьёзно! Прекрати смеяться! Я взрослая женщина, – Ягги судорожно вздохнула, – а ты, ты...

– Я маленький мальчик, по-твоему, да, Ягги? – Костя с некоторой угрозой спросил Ядвигу.

– Ну, ты не мальчик, конечно...

– Наконец-то, ты определилась! Я не мальчик, надеюсь, я имею отношение, всё же к мужскому роду? А, Ягги?

– Ты не понимаешь! – от волнения Ядвига произнесла это строгим учительским тоном.

– Ягги, только не надо изображать строгую училку! Я не люблю ролевые игрища! – Костя сразу поймал её тон. – Чего ты боишься?

– Возраста, – сдалась Ядвига. – Я боюсь, что я старше тебя, что это всё неправильно. – Она опять судорожно вздохнула, признавшись в том, что гнала от себя уже много дней.

– Ягги, меня интересует твоя душа, а твой возраст, это ерунда!

– Это не ерунда, Костя...

– Не спорь со мной. Возраст – это ограничение твоего разума.

– Это философствование!

– Наивная девочка! Главное – душа! Понимаешь?

– При чём, здесь душа, когда у нас такая разница в возрасте?

– Да какое дело твоей душе до придуманного твоим телом возраста? Душа – юная и бессмертная, у неё нет ограничений, она сама выбирает, в какой ипостаси явиться – умудрённой или бесшабашно юной. Ты можешь тоже это выбрать.

– Конечно, я выбираю быть двадцатилетней девочкой! И что? Я уже ей стала? Ты это хочешь сказать? – Ягги рассердилась, на столь, демагогическое заявление Кости.

– Ягги, девочка моя, – Костя опять поцеловал её в висок, – с первой нашей встречи, я втолковываю тебе, что ты не просто какая-то Марьиванна, ты Ягги!

– Я знаю, что я Ягги, Ядвига. И что это меняет? Ничего...

– Это меняет всё. Ты Ягги. Вслушайся в своё имя, Ягги – Ягишна – Яга, понимаешь?

Ягги слушала его как заворожённая, она понимала, что это очень важно, то самое, что он сейчас говорит, вот это – меняет всё в её жизни. Но обычное восприятие пыталось протестовать. Костя с интересом и предвкушением наблюдал за ней. Ядвига вздохнула.

– Нет, нет, не пытайся следовать обыденной логике, Ягги! Прочувствуй!

– Яга, это, что Баба Яга?

– Конечно!

– Это я? Я Баба Яга? Нет, не зря мне весь день, когда ты посетил нашу библиотеку, мерещились Бабы-яги! И вот, я Баба Яга, страшная, старая, в бородавках!

– Ну, – Костя сдерживал смех, – если ты хочешь такой стать, ты можешь превратиться в неё сию же секунду. Но, честно говоря, мне не хотелось бы оказаться в постели с ммм... такой твоей ипостасью.

– Не морочь мне голову всякой сказочной ерундой, ещё расскажи, что ты Кощей Бессмертный, и я сразу тебе поверю!

– Да, я так и думал, она тебе ничего не рассказала...

– Кто? – Ягги явно устала от всех загадок и начала сердиться. – Кто и что мне должен был рассказать?

– Твоя бабушка. Она ведь тоже Баба Яга. Понимаешь? Это передаётся только через поколение. И что, ты дожила до возраста Марьиванны и не знала ничего? И когда тебе читали сказки, ты совсем ничего не чувствовала? Не может быть! Ведь в день нашей встречи – ты всё утро размышляла над этим. Не зря тебе мерещились Бабы-яги, и... ты права про Кощея.

– Хватит! У меня голова лопнет сейчас от всего этого! – Ягги подскочила от возбуждения.

– Ладно, – подозрительно быстро согласился Костя, и потянул Ягги к себе, – тогда займёмся более спокойным делом, чем пробуждение твоего разума! Помнишь? Сон разума рождает чудовищ!

Ягги попыталась возразить, но Костя так нежно поцеловал её, что все возражения улетучились.

Глава 4

В библиотеке, Ядвига, целый день боролась с искушением, бросить всё и пойти в спецхран. Побывать рядом, услышать «Ягги...», почувствовать его губы, но как настоящий директор, вынуждена была решать какие-то практические вопросы, с отпусками и больничным сотрудников, с предстоящей библиотечной конференцией, с задерживающимся финансированием, и множество мелких вопросов, обычно наполняющих рабочий день.

Стоило, только на минутку, отвлечься от разговора, как взгляд Ядвиги затуманился, и мысли тотчас неслись нестройным галопом в сторону романтики. Конечно, это была настоящая пытка, работать директором после такой ночи. Да и не только директором, неважно кем просто работать.

Хотелось впасть в анабиоз, и слушать только своё тело, свои мысли, вспоминать и переживать всё снова, от первого поцелуя, до утреннего поцелуя на пороге кабинета. Правда, иногда в это счастливое переливчатое состояние вторгались не совсем понятные и не совсем приятные мысли – про Бабу Ягу и Кощея. Но, Ягги, решила поступить, на этот раз, как настоящая женщина, она решила подумать об этом... потом, может быть завтра, если, конечно, ничто не отвлечёт.

Ещё крутилась мысль, про то, что неплохо бы позвонить бабушке, и узнать у неё про Ягишну, и прочее. Но бабушка, не любила пользоваться телефоном, а ехать к ней сейчас, бросить всё – Костю, библиотеку... нет.

Скоро отпуск, скоро Косте уезжать, нет, нет, про это тоже подумаем завтра! За целый день Костя не подал и виду, что он помнит о вчерашней ночи. Ни позвонил, ни зашёл, даже не пошёл на обед, где Ядвига надеялась увидеть его. К вечеру, немного протрезвев от любви, и бесконечного ожидания, Ядвига начала судорожно подсчитывать, сколько дней ещё осталось до конца командировки Кости. Оставалось совсем немного.

Изругав себя, за столь долгое колебание и непонятно для чего нужную гордость, Ядвига впала в уныние. Подождав, после окончания рабочего дня, полчаса, в надежде, что Костя зайдёт за ней, она разочарованная и злая пошла домой.

Домой не хотелось, она представила, как придёт в опять пустую и тёмную квартиру, будет ходить из угла в угол, в ожидании, а потом пойдёт спать. Простыни, наверняка, ещё хранят запах прошлой ночи... нет! Нет!

Она будет гулять, долго гулять, быть может, он позвонит, а если нет, то придёт поздно домой и сразу спать. А простыни, предательски пахнувшие им, она выкинет! И пусть, пусть им будет хуже. Кому, будет хуже, Ядвига предпочла не думать. Потому что, Ядвига понимала, как только она начнёт думать, сразу поймёт, какая она дура, и это, однозначно не принесёт успокоения. Так, промаявшись почти до ночи, Ядвига вернулась домой.

– Ягги, – Костя вышел из тёмных кустов. – Долго же я тебя ждал.

Ядвига, пытаясь справиться с предательским комом в горле, молчала.

– Ягги, ты боялась, что я не приду?

Она мотнула головой. Почему она всё время ощущает себя маленькой рядом с ним?

– Ягги...

Те, немногие дни, которые насчитала Ядвига, закончились даже быстрее, чем она ожидала. Она решила получить всё, всё, что можно за эти две неполные недели, как приговорённый к смерти, успеть, испробовать, насладиться.

А потом, потом ей придётся жить воспоминаниями, и редкими встречами. Если они будут, эти встречи.

Подписывая командировку Кости, она, наконец, узнала его фамилию – Кошеев.

– Ах, вот почему ты решил, что ты Кощей? Надеюсь, Бессмертный?

– Ты не веришь, мне Ягги.

– Верю, верю, – усмехнулась Ядвига. – Кощей. Сказочный герой. Только в сказках это далеко не добрый персонаж. Надеюсь, так как я Баба Яга, ко мне ты будешь лоялен?

– В сказках Ягги извратили эти персонажи, но в основном, смысл, передан верно. Кощей и Яга, любили друг друга.

– Любили? – беспомощно переспросила Ядвига. – Но это только сказки.

– Всё, когда-то становятся сказками. Всё, чему люди не смогли подобрать логического объяснения, становятся сказками.

Глава 5

Со дня отъезда Кости прошло полгода. Ягги старалась не вспоминать, душераздирающий момент прощания, но он появлялся снова и снова во снах, в предутренних кошмарах, или в моменты особенной жалости к себе, одна, одна в этом тихом и тёмном доме.

Только ходики отстукивают минуты ожидания до следующего звонка, или до следующей встречи. И всех встреч-то набралось восемь, за полгода. В выходной, бегом, наспех, одна ночь, один день, и снова расставание.

Два человека, два города, за тысячи километров друг от друга, как это можно свести в одной точке, в точке, где к Ягги возвращалась жизнь, радость и ощущение счастья? Проживая эти сутки, Ягги напивалась Костей, его теплом, его любовью и мудростью, чтобы хватило до следующего раза, до следующей встречи, и хранила это, спрятав от всех.

Иногда она вспоминала, что надо приехать к бабушке, расспросить её обо всём, о Бабе Яге, о Кошее, но, представив, что из-за этого она сможет пропустить встречу с Костей, отодвигала поездку к родне ещё дальше.

Бабушка, как чувствовала, молчала, ни писала, и не звонила. Иногда дед, сурово вздыхал в трубку и ворчал, влюбилась, мол, что ли, совсем про нас забыла. Полгода счастья и муки. Любви и постоянного ожидания. Ожидания. Ожидания. Чего? Про это Ягги старалась не думать, потому что если только подумать, про то, как оно дальше может сложиться, то ни чего хорошего, не надумывается. Разница в возрасте, как ни слушай Кошеевских рассуждений о душе, никуда не исчезала. А у него есть семья, большая, и какая-то, вся непростая, семья, и вряд ли они захотят иметь такую невестку. Ну вот, обещала ведь не думать про это!

Ожидание.

Осталось два дня до его приезда.

В этот раз приезжает он.

А два последних раза, к нему летала Ягги.

Он показывал ей свой Питер.

Его город совсем другой, непарадный, как обычно, он выглядит для приезжих, а домашний и уютный. Даже Зимний дворец уютный. Будто вернулась домой, туда, где жила всегда, но уехала надолго.

Неустойчивая погода, в конце зимы, то снег, то морось, куча иностранцев, они – уставшие, нагулявшиеся по улочкам, с пакетом мандаринов, голодные, сок, бежит по пальцам, и пахнет Новым годом.

А ранним утром снег большими рождественскими хлопьями, валит, валит, и нет города, нет Невы, только парящие фонари и золотые крылья сфинксов на Банковском мостике, и они, обнявшись в комнате с высокими потолками, лепниной и тяжёлыми шторами, у окна.

Только это теперь существует во всей Вселенной. Они, снег, фонари и сфинксы.

Это состояние счастливого белого одиночества вдвоём осталось с ней. Когда было плохо, одиноко, и оставалось ещё долго ждать, надо было только закрыть глаза и вспомнить высокое дворцовое окно, почти рождественский снег, парящие круглые фонари и золотые крылья сфинксов.

Это счастье растворения во вселенной и друг друге.

Через два дня он не приехал.

И не позвонил.

Она, воспитанная гордым шляхтичем не позвонила тоже.

Ни через месяц, ни через два.

Она умирала, медленно умирала каждый день, но не звонила.

Проклятая родовая гордость!

Через полгода гордость умерла.

На дворе снова стояло бабье лето, и Ядвига не выдержала – позвонила. Его телефон не отвечал. Тогда она набрала телефон его библиотеки:

– Здравствуйте, скажите, я могу услышать Константина Кошечева? – голос сухой как можно более официальный.

– А кто его спрашивает? – немного испуганно спросил бесцветный старушечий голос.

– Это директор библиотеки, он у нас был в командировке, в прошлом году.

– А, вы не знаете, Костик погиб.

Она очень осторожно положила трубку телефона, словно боясь её разбить, и ничего больше не спросила. Он погиб. Всё.

Глава 6

Боль.

Как описать боль, человеку не знавшему её?

Сколько она длится?

Мгновение или вечность?

Когда боль в тебе, она занимает всё пространство, и ничего не существует, кроме неё, она сжимается и разжимается, от маленькой точки в самом центре тебя, сжимается, чтобы взорваться до размеров всей вселенной, и нет, нет сил её вытерпеть.

Ещё секунда и ты просто умрёшь.

Но главное, главное, пережить именно эту секунду, потом ещё, ещё, и когда-нибудь она отступит.

Ты знаешь это, она отступит, но не веришь, что сможешь победить её.

И когда, наконец, исчезает боль, которая была твоим спутником долгое время, наступает оцепенение, всего – мыслей, чувств и мышц.

Только бы не вернулась!

Не двигаться, не шевелиться, не думать, не чувствовать, а замереть и ощутить отсутствие боли.

Когда к Ядвиге вернулось способность воспринимать действительность, она пыталась понять, почему, почему она не спросила, что произошло? Как случилось, что он погиб? Почему не сообщили ей?

Хотя, почему должны были сообщать ей об этом? Кто она? Так, сказочный персонаж, не имеющий отношения к его настоящей жизни. Просто имя, в его телефоне – Ягги, и всё.

Вопросы, на которые сейчас уже не получить ответа. Но они всё время были у неё в голове. Постоянно возникали, мучили её, и жили своей жизнью, но полностью лишая жизни Ягги.

Иногда она выбиралась из этого состояния ненадолго пыталась пить успокоительное, антидепрессанты, но без толку.

Бросала, вспоминала, снова пила.

Дома, и на работе скопились кучи таблеток, не помогавшие, а скорее угнетавшие её.

Из жизни Ядвиги пропали запахи, друзья, весна, книги, музыка, всё.

Были таблетки, грязь, серость, тусклость, неразобранные бумаги, счета, грязная посуда. Библиотека постепенно перешла на режим самофункционирования, сотрудники, не нарушая положенной тишины, не сплетничая, просто освободили Ядвигу от работы, только приносили бумаги на подпись.

– Знаешь, подруга, так не пойдёт! – решительно заявила создательница тряпочных ангелов. – Ты, конечно, можешь погибнуть в этой грязи, если тебе так хочется, но моим ангелам я не позволю, покрыться плесенью вместе с тобой. Рассказывай.

– А что рассказывать? Так, устала немного, – Ягги, попыталась изобразить улыбку.

– Я вижу. Когда у тебя была любовь, я не приставала, потому как упиваться счастьем, человеку нельзя мешать, но вот горе надо поделить, по-братски! – Катя достала из своей любимой необъятной сумки бутылку золотого вина и штопор. – Вино тоже поделим – по-сестрински. И прибраться бы не мешало в твоём кабинете. Скоро, поди, паутина клоками висеть будет. Так, бокалы есть?

– Кать, я ж на работе, куда ты с вином? – попыталась слабо отбиться Ядвиги.

– Конечно! Я вижу, как ты работаешь. Смотришь в одну точку. Библиотечарши твои как мыши, запуганные, пискнуть не смеют, не сдают тебя, но и так понятно, что всё плохо, в твоём

королевстве, – Катя, отчитывая подругу, звенела кружками, по пути выкидывала таблетки, обрывки бумажек, трясла рыжими кудрями, потрепала Ягги по голове, покачала озабоченно своей, наконец, уселась напротив бесцеремонно сдвинув, что ей показалось лишним на столе. – Рассказывай! Он, что, тебя бросил? Или он женатик?

– Нет, Катя... он, он, – Ягги никак не могла выговорить это страшное и короткое слово, – он...

– Говори уже! – Катя испуганно посмотрела на подругу.

– Погиб, – судорожно сказала Ядвига и заплакала. Навзрыд, как маленькая девочка.

– Это хорошо, это хорошо, плачь, не держи в себе, – Катя гладила Ядвигу по голове, – выпей, давай, залпом!

Почему, почему раньше не пришло в голову всё рассказать? Поделиться? Почему в счастье мы так эгоистичны? И почему горе надо разделить?

От слёз стало легче. Нет, горе не уменьшилось, но стало легче. Ядвига, не замечая вкуса вина, пила, и рассказывала, перескакивая с одного на другое, про снег, про Кощея, про то, что она Баба Яга, про их разницу в возрасте, что она его совратила, и как он её называл Ягги.

Пила, рыдала и рассказывала. И начинала себя чувствовать. Что нос распух, и сопли, и вроде пьяная, и тёплая рука у Катки, и глаза полные слёз. Есть такие люди, подруги, настоящие, которым можно сказать – что ты Баба Яга, влюблённая без памяти в Кощея, и ещё много всего, и такие подруги, настоящие никогда не будут над тобой смеяться.

Выслушав всё, что ей бессвязно пыталась рассказать Ядвига, Катя, поцеловала её в мокрые солёные щёки, обняла, и неожиданно строго сказала:

– Всё, подруга. Порыдали и хватит. Теперь займёмся делом. Знаешь, как моя бабка говорила? Когда плохо – уберись. Когда хорошо – уберись. Вот, давай, тряпку в руки!

– У меня ж уборщица приходит. Да и поздно уже, тебе домой пора.

– Ерунда. Дашь уборщице выходной. А нам надо навести порядок в мыслях и в кабинете. Так, всё встанет на свои места.

Далеко за полночь, когда уже и окна сияли, а корзины для мусора были забиты доверху, устроили перерыв, с чаем и плюшками. Откуда-то взялся аппетит, и хмель выветрился. До полного порядка, понятно дело, было далеко, но кабинет уже стал напоминать прежний, весёлый.

– Так, где мы ещё не перетрясли? – Катя с видом полководца обозревала поле боя.

– Остался ещё тот шкаф, и всё. Только всё по местам расставить.

– Отлично! Ты начинаешь с правого боку, а я слева зайду! Бей его! – И Катя, размахивая тряпкой, и улюлюкая бросилась на тёмный, громадный шкаф.

Распахнув дверцу антресоли, она с опаской посмотрела на все сокровища, спрятанные там:

– А ты давно сюда заглядывала, Ягуша?

– Давно, всё руки не доходили. Там журналы всякие, книги старые, и мои и не мои, которые надо в переплёт, – Ягги рывком открыла вторую дверцу, и на неё упал увесистый пакет.

– Что это? – Катя подобрала с пола, чуть надорвавшийся пакет, из серо-коричневой обёрточной бумаги, перевязанный по-старинному бечёвочкой крест-накрест. Она перевернула его и прочитала:

– «Ягги». Ядвига, это тебе, видимо, что-то личное. Но очень тяжёлое.

Ядвига трясущимися руками взяла пакет, прочла написанное знакомым почерком «Ягги», и аккуратно, стараясь не испортить, то, что внутри стала распечатывать. Неторопливо, боясь и немного оттягивая момент, когда узнает, что там.

И снова не будет никакой надежды, на то, что он жив. Может быть, она всё неправильно поняла, что сказала эта старушка? Ягги, села, уронила руки на колени и уставилась на Катю:

– Слушай, почему мне не пришло в голову расспросить эту бабку, что случилось? Я даже не спросила! Понимаешь! Я не знаю, почему он погиб! Я, наверное, редкостная дура.

– Ну, это же нормально. Ты была в шоке. А сейчас в шоке буду я, если ты не разорвёшь, наконец, этот пакет! Быстро! – закричала Катя.

– Я не понимаю, Катя, почему мне не пришло это в голову? Я просто положила трубку, и поверила, что он погиб. И страдаю теперь, а может, может...

– Так, потом всё «может» – открывай! – Катя кровожадно посмотрела на Ягги. – Или я сама, наплюю на хорошее воспитание и сама порву в клочья этот пакет!

– Хорошо, хорошо, только не смотри на меня так, – Ягги, вздохнула и, порвала пакет. Там лежал свёрнутый вчетверо лист обычной белой бумаги и какие-то деревяшки, перевязанные кожаным шнурком, так же, как и пакет – крест-накрест.

– Давай читай, с деревяшками потом разберёмся! – Катя трясла Ядвигу за рукав. – Вот видишь! Уборка, завсегда полезна, что-нибудь нужное, обязательно найдёшь!

Ядвига развернула листок, и начала читать слегка дрожащим голосом:

– «Ягги! Думаю, что ты найдёшь это письмо, когда с тебя немного схлынет любовная горячка, и ты вспомнишь, о чём я тебе говорил. Ягги, ты Баба Яга, настоящая, урождённая. Как не отнекивайся, от этой сказочной ерунды, так и есть. Если твоя бабушка не хочет по какой-то, причине тебе этого рассказывать, ты всегда можешь узнать это у моей, она будет рада принять тебя в гостях. Она тоже урождённая Баба Яга. Не думай, это не прощальное письмо, мне трудно говорить тебе такие серьёзные вещи, когда меня всё время тянет к тебе. Хочу тебя любить, но не быть твоим строгим воспитателем. Это к бабушкам! Пусть они тебя уговаривают и мучают нотациями. Я тебя люблю, моя Яга! Кощей.

P.S. Книгу сохрани. Я не могу её держать сейчас дома. Встретимся, я расскажу».

Ядвига всхлипнула и заревела. Катя проморгалась, что б, не разреветься тоже взяла себя в руки и сказала:

– Знаешь, дорогая, мне, кажется, тебе нужно срочно отправляться в командировку или в отпуск, в Питер! Познакомится с родственниками Кости, и, наконец, узнать, что произошло!

– Ага! – всхлипнула Ягги. – Просто сказка, приезжает такая невеста, старше Кости на — двадцать лет, и говорит, а расскажите мне, что случилось?

– Хватит плакать, утри слёзы, и что он тебе говорил? Что-то про то, что ты можешь управлять возрастом?

– Да ну, Катя, ты думаешь это возможно?

– Ты же Баба Яга? Сущность паранормальная, значит – возможно! И потом, ты можешь позвонить своей бабуле и спросить.

– Нет, она не любит говорить по телефону. Надо ехать. Но это же долго! Сразу бы в Питер, всё узнать.

– Нет, ты права про возраст, могут запросто, могут не принять родственники, и ничего не рассказать. Надо подготовиться. Езжай к бабушке, всё у неё выпытай, и потом в Питер. А что за книга-то?

– Ах, да...

Они наклонились над книгой. Аккуратно развязали кожаный шнурок, который от старости просто крошился. И открыли книгу. Хотя, честно говоря, книгой, в нашем понимании это было трудно назвать. Тонкие дощечки, старые-престарые, прошитые, кожей. «Надеюсь, нечеловеческой» – подумала Ядвига, и передёрнула плечами.

– Ты тоже подумала, про кожу? – Катя испуганными глазами посмотрела на Ягги.

– Страшно подумать. Но на чернокнижника Костя непохож. Хотя, как персонаж наших сказок, добрых чувств Кощей не вызывает.

– И что? Почему здесь ничего не написано?

– Написано! Смотри! – Ягги ткнула пальцем в полустертые буквы. – Это старославянский или очень похожий на него.

– Ты старославянский знаешь? Я всё равно не вижу ни одной буквы!

- Довольно плохо помню, но сейчас постараюсь... так К ... КО... а! КОЩУНЫ.
- Что это? Учебник для Кощеев?
- Не знаю, – Ягги ошарашенно посмотрела на Катю. – Кощуны... А как правильно произносить?
- Нашла кого спрашивать, я только ангелов делаю, а с другими сказками сами разбирайтесь. У тебя я так поняла, бабушка тоже Баба Яга? Может всё же к ней сначала?
- Так, дальше, – Ягги с трудом разбирала буквы. – «Ни черов внемли, ни кощюньных вълшеб». Да, думаю надо к бабушке.
- Вот, – Катя пододвинула телефон, – звони, что завтра едешь к ней!
- Ага, а времени то сколько? Темень ещё. Она старенькая, – Ягги стала разыскивать часы, по всему прибранному кабинету. – А где мобильный? Сколько время-то?
- Московское время, – хихикнула Катя, – не, наше пермское время пять часов утра. Значит, сейчас быстро доприбирываем и за билетами. Книгу с собой возьми! Интересно, почему Костя не мог её хранить дома? Тебе не кажется это странным?
- Да, слишком много вопросов получается.

Глава 7

Конечно, прямо с утра выехать не получилось, надо было оформить отпуск, переговорить с замом, чтобы библиотека не пострадала от долгого отпуска Ядвиги, а то, что он получится долгий, она теперь не сомневалась. Столько вопросов накопилось, только за одну ночь! Но странно, все эти вопросы, помогли встряхнуться, и Ядвига, стала азартно готовиться к путешествию.

К вечеру, собрав сумку, и так и не поставив бабушку в известность, Яги отправилась в путь.

Бабушка, как верная жена, всюду следовала за мужем. А деда перед самой войной, как бывшего польского аристократа и подозрительного элемента сослали сначала на Урал, в маленький городок Кизел, а потом, решили, что это слишком хорошо, для такого, как он, и отправили ещё дальше, на Алтай.

Многие, из поляков, сосланные вместе с дедом в ссылку в Кизел, быстро-быстро поменяли себе фамилии, исправив подозрительные окончания —ский, на более привычные для России —ов, или, если такой фокус с изменением окончания фамилии не проходил, срочно женившись на русской, башкирке, коми-пермячке, хоть на ком, брали фамилию жены и сливались с местными. И только совсем нерусский профиль выдавал недавнего поляка, но и это быстро исправлялось в ближайшей пьяной драке, гордый профиль исчезал навсегда. Но упрямо проявлялся в детях, внуках и правнуках.

Дед, на такие ухищрения не пошёл, мало того, и бабушка взяла его фамилию, хоть и сама была подозрительных кровей, и этим только ухудшила своё положение. Познакомившись, с дедом в Перми во время пересылки, бросила всё и поехала, сначала в шахтёрский Кизел, потом и на Алтай, в совсем уж дикие, на тот момент места.

Из Перми непросто добраться до Алтая, пересадки, почти двое суток на поезде, и при срочной отправке, трудно надеяться, что билеты достанутся в комфортные условия. Ночь в общем вагоне, пересадка утром, в Екатеринбурге, потом плацкарт, чуть-чуть сна, под мощный храп соседей. Выйдя из вагона в Барнауле, Ядвига, была измучена тремя, почти бессонными ночами. Пытаясь сообразить, как лучше теперь добраться до бабушки, она растерянно смотрела по сторонам, вздыхала, представляя, что её ждёт ещё, как минимум километров триста дороги.

– Ядвига! – трудно не узнать хорошо поставленный, чистый и какой-то прохладный бабушкин голос. – Ты хорошо добралась? Я тебя уже час жду, поезд опоздал.

– Бабушка! Я же не позвонила тебе! Как ты меня ждёшь? Откуда? – всё спуталось в голове у Ядвиги, бабушка, неожиданно возникшая на перроне, ранее утро, сильный недосып и много другого, что надо узнать, срочно, сейчас. – Бабушка, мне надо спросить...

– Так, дорогая! Прежде всего, тебе надо выспаться. Поэтому сейчас мы садимся в машину, и едем домой, – бабушка говорила таким тоном, что возражать было бессмысленно, но глаза, глаза голубые, лучистые смотрели на Яги с большой радостью и любовью. – Вот выспишься, а потом поговорим.

– Но как ты узнала, что я еду, на этом поезде?

– Всё просто я же Баба Яга, – бабушка пожалала плечами, будто сказала нечто, само собой, разумеющееся.

– Да, конечно, – точно так же пожалала плечами Яги. – Всё просто.

Яги, с большим удовольствием плюхнулась в старенькую машинку, закрыла глаза, и сразу стала засыпать. Какое это облегчение, что после всей нервоотрепки, слёз и долгой дороги, можно просто ни о чём не думать, а закрыть глаза и стать маленькой девочкой, которую встречают, за которую решают, заботятся и сейчас, ну не сейчас, а довольно скоро доведут домой,

накормят и уложат спать. Накормят, в баню сводят и положат поживать на дубовую кровать, всплыли строчки из сказки, и всё больше Ягги не просыпалась до самой Белокурихи, где сейчас жили дед и бабушка.

Дом бабушки отличался ото всех домов в городе. Стоял на окраине, даже на отшибе, отдельно ото всех. Сам по себе. Большой, добротный, и, как ни крути, был похож на сказочные боярские палаты, вот это Ядвига только сейчас поняла. Столько раз бывала здесь, и жила подолгу и любила этот дом, куда дед с бабушкой переехали лет тридцать назад, из совсем глухой деревушки, и долго его отстраивали, ремонтировали и практически сделали заново, но тогда она думала, что это их прихоть просто в модном тогда «русском стиле», в подражании старине. Вот именно в таком доме должна жить Баба Яга-старшая.

– Дедушка! Как я соскучилась по тебе! – Ягги обняла деда, поцеловала его в колючую щеку, ещё раз обняла. – Дед!

– Ладно, ладно, Ядвига, – ворчливым голосом сказал дед, – есть и спать! А то на лице одни глаза остались! Разговоры разговаривать потом будем! – несмотря на долгое проживание среди русских, едва уловимый акцент у деда остался, или может быть, он не хотел с ним расстаться, и специально его поддерживал?

Ядвига, ходила по дому, пока бабушка готовила на стол, вспоминая запахи этого дома, скрип половиц, льняные прохладные шторы, и вязаные занавески, вышитые скатерти, герань, красивую, пока не заденешь, а потом щедро делящуюся ядрёным запахом, всё такое знакомое, родное и любимое.

– Пошли, кушать, Ядвига, – бабушка обняла за плечи, высокая, прямая, а ведь сколько ей уже лет? И бабушкой-то её вряд ли кто посмеет назвать.

В гостиной, большой стол тёмного дерева, тяжёлый, дубовый, от времени, не совсем ровный, но тёплый и пахнущий мастикой. Ядвига, всегда в ожидании обеда любила водить пальцем по древесным линиям, ощущая все трещинки и щербинки стола, все морщинки его долгой жизни. Поводив пальцем, Ягги успокоилась, но где-то, всплыла давняя обида за несправедливо выбранное для неё имя, давняя, уже почти прошедшая, но занозой, сидящая всю жизнь.

– Ну, внучка, – бабушка подала ей тарелку огненной солянки, – чего насупилась?

– Да, так, – вроде и хотелось маленько поспорить, но было лень.

– Говори. – Дед строго посмотрел на неё.

– Вот... вдвоём-то!

– Говори, Ядвига, – повторил дед.

– Вот, Ядвига! Ласково то, как меня назвать? И что за дурацкое имя мне выбрали? Родовое, – обиженно протянула Ягги, – маму не назвали родовым именем, а меня? – от усталости, и переживаний Ядвига, первый раз решилась высказать деду и бабушке, свою давнюю обиду. – Почему, ну вот почему маме совершенно нормальное имя – Мария, почему мне такое? С фамилией не сочетается! Всю жизнь мне испортили!

– Всё? – бабушка улыбнулась, как маленькой капризной девочке. – Если бы ты спросила раньше, а не дулась на нас, так много лет, я бы давно тебе объяснила. Так, объяснить?

– Да, – также насуплено сказала Ядвига.

– Понимаешь, это довольно долгая история, имя на букву «Я», действительно родовое, но оно родовое по женской линии.

– А мама? Она что не нашего рода? – ещё продолжала упорствовать в обиде Ядвига.

– Нашего. Просто такие имена передаются через поколение, в нашей семье по женской линии. Ты ведь знаешь историю семьи, ты знаешь, что у нас рождаются только девочки, и ты не заметила, наверное, что имена на «Я» у нас идут через одну представительницу нашего рода.

– Нет, – уже удивлённо сказала Ядвига, – не заметила. А почему?

– Ещё не поняла? – улыбнулась бабушка.

– Ядвига! – дед, пряча улыбку, сохранял строгий тон. – Я был лучшего мнения о твоих умственных способностях.

– Я устала! – опять обиделась Ядвига. – Ну, почему?

– Я ведь сказала тебе, при встрече, что я знаю, что ты приехала, потому что я – Баба Яга, – бабушка проговорила тоном для маленького и не очень сообразительного ребёнка.

– И что?

– О, боже! Ядвига! – бабушка потеряла терпение. – Что, Кошей не сообщил тебе, что ты тоже Баба Яга? Нет? Напряги мозги! Я Баба Яга, ты Баба Яга, на какую букву должно начинаться имя?

– А ты! – Ядвига, даже подскочила от возмущения. – Ты-то – Арина!

– Да, это по паспорту, – сдержанно сказала бабушка. – В советское время, – с некоторой надменностью произнесла она, – родители с трудом получили бумажку на Арину, а уж Ярину – и за меньшее могли посадить.

– Так, девочки, – дедушка, улыбаясь, смотрел на перепалку жены и внучки, – все родовые тайны, после того как Ядвига покушает и выпится.

– Да, – немного обиженно заметила бабушка, – и вспомнит, что она уже большая, а не пятилетняя малышка!

Глава 8

Хорошо спать, когда все обиды высказаны, даже такие, совсем детские. Может быть, и глупые обиды, неважно, обиды высказаны, и больше не живут в душе. Можно спать детским, беззаботным сном.

Ядвига, с удовольствием проспала, почти сутки. Выспалась, так как давно уже не было. В первый момент даже не почувствовала боли, ставшей уже привычной. Потянусь, пошлёпала ногами по тёплому деревянному полу, вздохнула, подумала, то ли ещё полениться, поваляться или встать. Но бабушка как почувствовала, что Ядвига проснулась:

– Ядвига! Пора ужинать.

Хочешь не хочешь, а встать надо. Нельзя ведь ещё сутки валяться и делать вид, что спишь. И потом, она ведь по делу приехала к бабушке, не просто в отпуск. Надо найти ответы на все вопросы. Сразу привычно заболело сердце, Ягги вздохнула и радостное, почти детское настроение пропало.

– Иду, бабушка.

За ужином, или поздним завтраком для Ягги, бабушка деликатно делала вид, что ничего не произошло, что они не спорили, и просто любимая Ядвига приехала в отпуск. Но Ядвига уже решила:

– Бабушка, мне Кощей оставил книгу, я хотела тебе показать.

– Всё после ужина, дорогая.

Так, чинно закончив трапезу, выпив большой пузатый чайник чаю, обсудив ничего не значащие дела, убрав со стола, бабушка водрузила на нос очки:

– Вот теперь, давай посмотрим, что за книга, с которой моя внучка-библиотекарь не смогла разобраться.

Ядвига, уже совершенно потерявшая терпение, осторожно положила книгу на стол:

– Вот. Он оставил её в моём кабинете. Я её не сразу нашла, а перед самым отъездом, и смогла прочитать только «Кощуны».

– Не таракти милая. – Дедушка похлопал по плечу. – Пожалуй, надо добавить свету, да, Ярина?

– Да, да... – пробормотала бабушка, не отрывая взгляда от книги. Она гладила страницы, нюхала, шептала, закрывала и открывала книгу снова и опять шептала, – Ядвига, ну как, покажи, где ты это прочитала?

– Вот, – Ягги ткнула пальцем в название книги на обложке, если так её можно было назвать, или на первой деревяшке, – вот же, смотри! К... КОЩ... , конечно, плохо видно, текст, будто пропадает, но можно разобрать КОЩУНЫ.

– Да, да... – бабушка устало опустилась на стул, потёрла лоб, словно разом устала.

– Ярина? Что, тебе плохо? – встревожился дед. – Ядвига, воды!

– Нет, не надо воды. – Бабушка тяжело оперлась на стол. – Ядвига, я не вижу, того, что видишь ты. Эта книга была оставлена тебе. Мне она не открывается. Я вижу совершенно пустые страницы. Могу сказать тебе только что это – несомненно, очень старая книга, очень старая, – задумчиво повторила бабушка, – конечно, ещё написанная вручную, ещё до изобретения станков. Это дубовые станицы, покрытые специальным сохраняющим составом.

– Дубовые? Как ты узнала?

– Дуб, моя дорогая это изначальное мужское дерево. Если бы ты мне показала книгу со сказами ведмы или наставлениями Ягишны, то она, без сомнения, была бы написана на берёзе. Это элементарно. Ты не смогла бы написать ни строчки Кощунов на берёзе, и наоборот.

– Ведмы? Именно так, не ведьмы?

– Дорогая, не перебивай меня. Это мы ещё изучим с тобой. Ведма – ведающая мать.

– Ага. Всё понятно. – Согласилась Ягги, чувствуя при этом себя полной дурой.

– Перетянута книга змеиной кожей.

– Уже звучит страшно!

– Ягги! Перестань паясничать!

– Я не паясничаяю, – обиделась Ядвига, – на самом деле страшно. Даже представить страшно, ты говоришь, такие вещи – изначальное дерево, элементарно, наставления Ягишны, змеиная кожа... я надеюсь, всё это не чёрная магия и всё это не написано кровью?

– Да, моя дорогая, – бабушка уже немного пришла в себя, – тебя многому надо научить. Если у тебя, конечно, появилось, наконец, желание. И что за вульгарщина, – не удержалась бабушка, – чёрная магия и кровь! Любая магия – это насильственное использование в корыстных целях служебных духов и навей, подчинённых с помощью специальных обрядов. Это удел несведущих. Ты – от рождения способная повелевать стихиями и служебными духами, без насилия, и, надеюсь, без корысти.

– О, боже...

– Для начала... да, начнём с самого простого, дед принесёт тебе для изучения «Зелейник», «Травник», «Цветник» и «Лечебник». Там всё просто – травы, цветы, свойства волшебных и целительных растений. Тебе надо прочесть, запомнить, над заговорами мы поработаем вместе. Это несложно. Обряд посвящения, чуть позже, в соответствии с луной. На весеннее солнцестояние, думаю, у тебя получится. А с книгой, я не смогу тебе помочь, Ядвига, тебе придётся постепенно разбираться самой, раз ты можешь читать, пусть даже пока ускользающие буквы, но можешь. Значит, заклятие клада сделано на хозяина книги и на тебя, но на тебя, какой ты станешь после обучения. Всё поняла?

– Да, поняла, что ничего не поняла. Никогда ещё не чувствовала себя такой дурой. И...

– Ягги внутренне сжалась, – как менять возраст?

– Вот так?

Бабушка повернулась вокруг себя. Легко и сохраняя равновесие. И пока длился этот поворот, каких-то несколько секунд, с лица бабушки, словно стёрлись годы, исчезли морщинки. Губы, стали ярче, и появился слегка надменный изгиб. Лицо округлилось, и на щеках появился румянец. Волосы вернули, свой тёмно-русый цвет, седина пропала, и на спину легла коса, в руку толщиной. Голова под тяжестью волос, отклонилась назад, и бабушка лукаво посмотрела на Ягги. Предвкушая удивление Ядвиги.

– Бабушка! Как ты смогла? Тебе всего лет двадцать!

– Двадцать пять. Любимый возраст дедушки. – Улыбнулась Ярина и похлопала Ядвигу по плечу. – Опять вульгарщина, Ядвига. – Спокойной ночи, дорогая.

– А я, – Ягги замялась, – я так смогу?

Утром Ядвига обнаружила у себя на тумбочке все книги, о которых ей говорила бабушка. Отступить было некуда.

Стало страшно, оттого что ей придётся сейчас изучать. Конечно, она знала много трав, и даже могла сначала вспомнить латинское название, а потом уж обычное русское. В детстве она много гуляла с бабушкой в лесу и легко запоминала названия трав и деревьев. Но сейчас, пролистав книги, всё оказалось не так просто: в этот раз одной ботаникой не отделаться.

Все книги были написаны от руки и непросто на старославянском, а на ещё более древнем языке. Буквы были чуть наклонены и занимали не одну строчку, а сразу две, а пробелы были не между словами, а только между предложениями.

Странно, но Ядвига, прежде чем прочитать и разобрать вязь, уже понимала значение того, что написано. Как обычно, она сначала полезла в конец книги в поисках самого интересного.

Оказывается, собрать целебную траву не так-то просто. Целая куча всяких условностей: в какой день и час, а может быть и всего несколько минут в году, можно поймать именно то время, когда появится эфирное свечение перед цветением растения; надо знать, с какой стороны к нему подойти, какой рукой брать, каким инструментом срезать – деревянным, стальным, медным, серебряным или ещё каким-то; как срезать – справа налево, или, наоборот, сверху вниз, снизу вверх; какие слова говорить при этом. И, главное, что возмутило Яги, это – как надо убегать от каких-то там существ, охраняющих такие растения, если не сможешь их нейтрализовать!

– И ты хочешь, чтобы я ходила по лесам с серебряными и деревянными ножиками и собирала эти травы, ещё и убегала неизвестно от кого? – Ядвига спустилась к завтраку непричёсанная, в едва накинутом халате, со всей стопкой книг.

– И тебе – доброе утро, дорогая! – усмехнулась бабушка.

– Я не понимаю, кого ты хочешь из меня сделать? Знахарку? Да, живёт у нас в городе такая, кудлатая, в мужских ботинках и в телогрейке! Я не хочу!

– Нет, знахарка – это слишком просто для тебя. Тебе ещё многое придётся изучить. Я начала с самого простого. И потом, никто не заставляет тебя лечить людей, а уж тем более ходить в телогрейке и собирать травы, но основополагающие знания у тебя должны быть. Лечебные растения, яды растительные, яды животные, нейтрализующие их растения и заговоры. Ты – Баба Яга, ты должна уметь защитить себя.

– От кого бабушка? – возмутилась Яги. – В миру я просто библиотекарь! Обычный и скучный библиотекарь! – она вспомнила свой кабинет и потрясла головой, нет, только не это!

– Разве тебе Кощей не сказал, что библиотекарь, одна из самых опасных профессий в мире?

– Да, ладно!

– Я не шучу! Не оттого ли он погиб, что был библиотекарем? И почему он спрятал книгу у тебя, а не у себя дома? Почему он наложил на неё заклятие клада, что прочесть можешь только ты? Понимаешь, только ты? Какие там записаны знания в этой книге, за которые, возможно, он погиб? Не от простуды же он умер? Понимаешь? В этой семье потомственных библиотекарей это уже не первая смерть, к сожалению, это третий погибший Кощей, Ядвига.

– Бабушка! – закричала Ядвига. – Бабушка! Я поняла. Я учусь. Я должна узнать, что с ним

Глава 9

Через неделю обучения методом погружения Ядвига перестала удивляться служебным духам, домовым и вздрагивать каждый раз, когда их видела или слышала, и даже когда только чувствовала. Она научилась их призывать, прочла все книги о нужных травах. И сейчас изучала «Острономию» – совсем не «астрономию», «Мысленник», «Волховник», «Птичье чаровье» и ещё такие невообразимые книги, о которых раньше и не подозревала. Таких даже в библиотеке в «закрытой секции» никогда не было.

Это повергло её в настоящий культурный шок! Такое богатство спокойно лежало у бабушки все эти годы, а она никогда этого не показывала, хотя знала о любви Ядвиги к старинным книгам. Надо бы было обидеться, да сил уже не хватало. Так, промелькнуло только в голове, и было вытеснено полезными знаниями.

Ядвига совершенно потеряла счёт времени, дням-ночам, только периодически, казалось, что голова сейчас лопнет от всех запикиваемых в неё знаний. Тогда она шла в лес, не обращая внимания: ночь сейчас или день.

Март выдался морозным, и в лесу ещё лежал снег. Ядвига наслаждалась воздухом, вспоминала, где какую траву раньше видела, сразу проверяла себя – как к ней, к траве этой, подойти и что сказать. И полюбила гулять по лесу ночью: тихо, никто не мешает.

Лес теперь она чувствовала будто живое существо. По звуку могла понять, кто идёт: человек, зверь или дух. Правда, ранней весной их ещё мало, кроме домовых и почти одичавших овинных. Вот как не стало обычных деревенских хозяйств так овинники, банники, дворовые – служебные духи – и одичали. Да и бабушкин Домовой одну не пускал гулять. Ворчал по дороге, иногда, молча, шагал рядом – маленький мужичок в овчинном полушубке. Порой Ядвига обсуждала с Домовым прочитанные книги.

И прошлая, обычная жизнь вспоминалась уже с трудом, не верилось, что она была библиотекарем, жила в городе, и не видела, не чувствовала всего этого!

А сейчас, всё больше погружаясь в новые знания, не утверждённые Минздравом и не прописанные в биологии, удивлялась, почему она не хотела их знать. Долгое время отпихивала от себя такой волшебный мир. Ведь сама в детстве зачитывалась сказками, мечтала узнать, как выглядит аленький цветочек, как это могут разговаривать деревья, цветы и животные. Как можно летать без самолёта? Как можно жить по сказочному, по волшебному? Оказывается, можно и, оказывается, это не только всё реально, но ещё и очень естественно – жить в сказке.

– Конец марта, – бабушка многозначительно посмотрела на Ягги, только что вернувшуюся с прогулки.

Домовой недовольно отряхивал снег с валенок и внимательно слушал.

– И что? – удивилась Ядвига.

– Важный праздник, – бабушка пожала плечами.

Ядвига перебрала все важные праздники, ни один не подходил на это время.

– Весеннее солнцестояние, – уточнила бабушка. – Не знаешь, – обратилась она к Домовому, – Леший проснулся уже?

– Завтра будить пойду, – Домовой сердито затопал ногами. – Заспался старый. В карты я уже всех обыграл, кто зимой не спит. Скучно.

– Вот и хорошо, – бабушка посмотрела на насупленного Домового. – Наиграешься ещё за лето. Успеешь. Только чур, больше на белок и зайцев не играть. – Бабушка вспомнила, видимо, давний спор с Домовым. – Куда я их потом такую прорву девать буду? Еле выгнала в прошлый год из дому! – раздражённо закончила она. – Скажешь ему про посвящение, пусть готовится.

– Посвящение? – удивилась Ягги. – Куда?

– Ой, – вздохнула бабушка, – в Бабы Яги, внученька.

– Подумаешь, – Домовой пожал плечами, – только сотню белок выиграл и десяток зайцев. А поминаешь мне целый год уже.

– Вспоминаю, – рассердилась бабушка, – они ж плодиться начали, всё в огороде пожрали! И не десяток, а полсотни зайцев! Еле Лешего обратно уговорила их взять.

Спор этот продолжался у бабушки с Домовым довольно давно, отметила про себя Ядвига. Представив, как бабушка гоняет сотню белок по огороду и десятки зайцев, а недовольный Домовой стоит рядом и смотрит, как бабушка разоряет его стадо, она рассмеялась.

– Смешно ей, – насутился Домовой и пропал.

– И что мне делать? – испугалась Ядвига. – Посвящение – это страшно? Думаешь, я готова?

– Нет, не готова. Но тебе скоро ехать, поэтому тянуть нельзя. А делать, – бабушка попыталась сдержать коварную улыбку, – ничего сложного. Было б лето, я тебя погоняла по лесу, проверила по травам, по птицам, по стихиялям. А так, сдашь экзамен устно Лешему, а мне – на управление стихиями. И всё. А потом – маленькая торжественная церемония.

После такого объяснения Ядвиге стало совсем страшно. Всё просто – сдать экзамен Лешему и бабушке. Кому страшнее – ещё не известно.

– Да пугает она тебя, – хмыкнул Домовой, не появляясь, – так-то она добрая.

Всего, что не касалось яговской премудрости, бабушка была добрая. Но, относительно знаний, которыми она, наконец, смогла поделиться с любимой внучкой, бабушка была бескомпромиссна. Только на отлично, и только всё!

Через два дня, когда Ядвига уже мечтала о сне, после книг и наставлений, бабушка решительно встала и скомандовала:

– Собираемся!

У Ядвиги подогнулись колени. И все знания сразу вылетели из головы. Она забыла, как называются травы, по какой звезде определять удачное начало дела и как надо обращаться правильно к Лешему. Дед обнял Ягги:

– Не волнуйся. У тебя всё получится, – и добавил шёпотом, чтобы бабушка не услышала, – ты у меня умница! А бабушка больше строжится, чтобы радость свою не показывать, что ты стала Бабой Ягой.

Бабушка посмотрела строго на деда, но ничего не сказала.

К концу марта весна вспомнила о своих обязанностях и стала топить снега. Но ночью снова всё подмораживало, и прогулки по лесу уже не доставляли удовольствия. Ноги скользили по насту и проваливались в снежную жижу. Через полчаса мучений бабушка остановилась перед покосившейся избушкой.

– Всё, внучка, я тебя привела к Лешему, остальное – сама. Я встречу тебя потом.

И пропала в темноте леса. Ядвига вздохнула и постучала в дверь.

– Да входи уже! Сколь топтаться-то можно под дверью! – басовито крикнули из избушки. Ядвига вошла в избу. За столом чинно сидели трое. От маленького огарка, еле мерцавшего на столе, почти не было света.

– Дверь, дверь-то, окаянная! – сердито прошелестело в углу.

Отпихнув Ядвигу от двери, маленькая горбатая и лохматая старушка преувеличенно громко хлопнула дверью.

– Цыц, Шишига! Не кричи на гостью. Стул подай, – из-за стола встал и слегка поклонился большой мужик с окладистой бородой, слегка зеленоватой, так показалось Ядвиге. – И света добавь. Свечей, говорю, давай! – он сердито хлопнул рукой по столу.

– Здравствуй, Хозяин лесной! – Ягги вспомнила уважительное обращение к Лешему и тоже поклонилась.

– Здравствуй, Яга! Меня можешь звать попросту – Лексей Иваныч. А это – Полевик, – Леший указал на небольшого старичка, с огромной, не по росту белоснежной бородой и тём-

ной, словно загоревшей, кожей. – Мы – эк—за—ме—на—ци—он—на—я комиссия. – Леший по слогам проговорил сложное слово. – А это Русалка, она будет секретарём на экзамене. Садись, – он чинно ещё раз поклонился и указал на поставленный Шишигой стул в центре комнаты. – Это – Шишига, она мелкий вредный водный дух.

Представив всех, Леший тяжело опустился на лавку и вздохнул, будто выполнил тяжёлую работу. Русалка взяла в руки старинное перо, поправила чернильницу, разгладила кусок бересты и с готовностью посмотрела на Лешего. Ядвига, хоть и была знакома и с бабушкиным Домовым, и с дикими овинниками, и с Банником, всё равно не верила до конца в происходящее. Словно всё перед ней – кино. Хотелось ушипнуть себя, чтобы проверить, точно ли она всё это видит наяву. Комиссия приготовилась принимать экзамен у Ядвиги. Она обречённо опустилась на стул.

– Скажи-ка, милая, – неожиданно высоким голосом обратился к ней Полевой, – правда, что тебе книгу Кощееву оставили?

– Да, дедушка, – тихо ответила Ягги.

– Ну, и о чём тут говорить? – стукнул кулаком по столу Леший. – Принят экзамен-то. Пиши! – он ткнул пальцем в бересту Русалки. – Только старшей Яге, не проболтайся. – Леший погрозил пальцем Ядвиге.

– Так и пишу, дедушко, – чинно сказала Русалка и подмигнула Ядвиге, – экзамен принят.

– Чаю нам! – скомандовал Леший Шишиге. – Ну, что как неродная, двигайся к столу-то. – Леший встал из-за стола, подхватил стул вместе с Ягги и поставил к столу. – Прочь все бумажки.

– Расш-шумелся, – прошамкала Шишига. – Гляди, разбудиш-шь, Лихо!

Услышав ворчание Шишиги, за печью кто-то завозился и заплакал.

– Молока давай! – вскочил Леший. – Иди, иди мой маленький. – Запричитал он почти по-бабы. – Кто у меня выспался? Кто такой голодный?

Из-за печи вылез медвежонок и, жалуюсь, побрёл, косолапя, к Лешему. Ткнулся ему в колени, недовольно сопя спросонья.

– Вот, ироды, – непонятно к кому обратился Леший, – убили мамку-то у ребятёнка, сироткой остался.

Леший сунул в лапы медвежонку большую бутылку с молоком и погладил по голове. Медвежонок довольно засопел и вцепился в соску.

– Сейчас чаю попьём, и полетит наша Русалочка кукушкой серой к бабушке с докладом, что экзамен сдан. Раньше нельзя, а то заподозрит Яга неладное, – подмигнул Леший Ягги. – Ох, строгая она! Но добрая. А с нами-то, по-другому нельзя, забалуемся.

После второго чайника чаю с сушками, мёдом, вареньями, Ядвига успокоилась и уже с удовольствием слушала рассказы Лешего о лесных жителях, сердитые замечания Полевика и ворчание Шишиги. Русалка оказалась смешливой, но боялась откровенно смеяться при строгих мужиках. Шишига жила у Лешего вроде приживалки, домовничала как могла, и всё сердилась на Алексея Ивановича, за то, что в дом живность таскает. А уж медведям ни в чём отказа не было. Все медведи-шатуны зимой находили приют у него в избе.

– Чай гоняете! – посреди весёлого разговора появился бабушкин Домовой. – Так и знал! Готово всё!

Ядвига снова разволновалась. Леший с Полевицом степенно встали.

– Ну, собираемся, да пойдём потихоньку. Утро скоро.

Бабушка стояла в центре небольшой поляны, торжественная и серьёзная. В предракетные сумерки в лесу было необычно тихо. Вокруг неё столпились лесные духи, овинники, немного сонные русалки.

– Знакомься, Ядвига, это твой Домовой, Гришей зовут, – бабушка вытасила из толпы смущённого мужичка.

– Очень приятно, Гриша.

– Я его на церемонию вызвала из твоей квартиры, – бабушка ласково посмотрела на Домового. – Нехорошо, конечно, дом без присмотра оставлять, да хозяйка не каждый день Ягой становится. Итак, – бабушка хлопнула в ладоши, – начинаем!

Все разошлись к краю поляны, и Ядвига увидела высокую поленницу для костра. Над поляной сразу стало светлее, небо заголубело.

– Ягги, – бабушка подвела Ядвигу к костру, – ты должна зажечь его, сама. Помнишь, я учила тебя?

Ядвига вспомнила, как у бабушки это легко получалось – ладони соединила, раскрыла – и на ладонях весело потрескивает огонь. А у неё так и не получалось. Ягги, вздохнула, сосредоточилась, сложила ладони и представила внутри ладоней сильный жар. Подула, как в детстве, когда с мальчишками костёр разжигала, раскрыла ладони, там был маленький и слабенький язычок пламени. Странно, он не обжигал ладони, а давал ровное и мягкое тепло озябшим пальцам.

– Главное, не дай ему потухнуть! – прошептала бабушка. – Теперь поднеси к бересте, и пламя займётся.

Ядвига осторожно наклонилась, умоляя про себя малюсенький язычок не погаснуть, поднесла к приготовленной бересте и опустила его сверху. Костёр вспыхнул весь разом. Ягги выдохнула и разогнулась.

– Ура! Дождалась! – захлопала бабушка. – Теперь ты – Баба Яга!

Все разом заговорили, стали подходить, поздравлять. Леший важно подошёл и по-медвежьи стиснул в объятьях.

– Вот и ладно, вот и хорошо, Яга!

– Смотри, – бабушка указала на небо, – на твой праздник, красота какая!

В обычной жизни Ядвига не поверила, что такое возможно. Слева месяц, справа – солнце, ровно по серединке – три небольших облачка, серо-голубые слева и ярко-розовые справа. И ещё в довершение всей небесной феерии – маленькая радуга.

– Скажи, так не бывает, – не утерпела Ядвига. – А, бабушка?

– Ты смотри, смотри! Хороший знак. А бывает, не бывает, какая разница, когда вот оно – есть!

Всю дорогу домой Ядвига мучилась вопросом, что всё как-то просто прошло, и экзамен, и посвящение. Она готовилась к чему-то грандиозному, а получилось чаепитие у Лешего и костёр на поляне, хотя, нельзя отрицать, что всё было волшебным и незабываемым. Но незаслуженно.

Бабушка шла рядом и наблюдала за мучениями Ягги.

– Всё заслужено, – не утерпела Ярина Мирославовна. – Ты думаешь, что если Леший тебя чаем напоил, вместо строгого экзамена, и я только костёр зажечь предложила, то всё это не по-настоящему?

– Я тебе не говорила, что он чаем поил! – воскликнула Ягги.

– Догадалась я, – хмыкнула довольная бабушка. – Он только с виду грозен, а на самом деле добрый. Попужал маненько, и чаем давай поить.

– Бабушка! Что это «попужал маненько»? Как ты выражаешься? – Ягги округлила глаза.

– Леший так говорит, когда я его ругаю, что опять грибников в чащу завёл. «А что я, попужал маненько и выпустил!».

– Да, – согласилась Ягги, – попужал.

– Если б ты не была Бабой Ягой, ты и Лешего бы не увидела, и всю его экзаменационную комиссию тоже. И на поляне только бы мы с тобой были. И костёр бы спичками зажигали. А уж про небесное светопредставление и говорить не буду. Всё заслужено, но учиться ещё много чему придётся. Это только малая часть наших яговских знаний. А сейчас спать!

Ядвига вдруг почувствовала, что просто валится с ног от усталости, переживаний и впечатлений.

Глава 10

– Ну, что подруга? – бодрый Катин голос вытряхнул Ядвигу из сновидения. Оказывается, есть и такая наука – сновидение. – Скоро отпуск закончится, от тебя ни слуху, ни духу, моя любимая Баба Яга! Возвращаться думаешь? Или всё, бросила нас на фиг не продвинутых?

– Привет, Катя! Слова бодрые, а голос у тебя... напряжённый. Рассказывай.

– Такое ощущение, дорогая, – Катя замялась, – что разговариваю с твоей бабушкой, мороз по коже!

– Говори уже! – не выдержала Ядвига, и прикрикнула на подругу.

– У тебя квартиру обокрали! – на одном дыхании выпалила Катя.

– Не поняла. Попробуй слова с перерывами сказать...

– У... тебя... у тебя... квартиру твою вскрыли!

– А, неприятно, конечно. Но не страшно, – равнодушно ответила Ядвига, чтобы успокоить Катю.

А у самой на душе было тревожно: кто это был? Что искали? Вроде бы ничего ценного она в доме не хранила. Даже дорогие книги и те в сейфе на работе лежали. Может... Может, искали что-то нечто особенное? Но Катя сбила ускользящую мысль своим беспокойством.

– А мне страшно! Я пришла полить цветочки твои, а в квартире ужас! Всё перевёрнуто, будто что-то искали. Вызвала полицию, сказали, чтобы ты срочно возвращалась. Я не знаю, пропало что-то или нет. Даже подоконники выворочены! Понятно? Что так можно искать? Уж не золото бриллианты в твоей аскетичной квартире!

– Ладно. Скоро буду. Не переживай.

– Переживаю! Двери новые тебе уже поставили. Если тебя это интересует.

Ядвига пообещала, что позвонит, как приедет, иначе Катя бы совсем её «съела» от переживаний, и положила трубку.

Бабушка же посетовала только, что зря домового на праздник вызвала, дома его не было, вот и ограбили. Наказала быть осторожнее, провела ещё несколько торопливых уроков уже по безопасности, и, наконец, по смене возраста. Если бы не кража, ещё неизвестно, сколько пришлось бы ждать, чтобы бабушка смиловилась и показала «эту вульгарщину».

Дело, видимо, было настолько серьёзным, что бабушка повелела звонить в любое время, и если необходимо, то она тотчас приедет! Это бабушка-то! Которая ненавидит выезжать, куда-то из своего родного дома, оставлять деда и пользоваться мобильным телефоном. Поэтому Ядвига даже немного распереживалась, но пыталась изо всех сил сохранить спокойствие, чтобы не расстраивать бабушку.

На вокзале её встретила растрёпанная подруга.

– Сегодня, – начала без предисловий тарыхтеть Катя, – у тебя довольно плотное расписание. Двери тебе поставили новые, потому что те просто выломали и всё, ремонту они не подлежат. Я заказала тебе железные.

– Бронированные? – попыталась съязвить Ядвига.

– Нет. А надо было бронированные? – испугалась Катя.

– Я шучу, Катюша. Правда. Можно было простые деревянные, я же дома не храню ничего важного. Важное – это у меня книги, самые дорогие у меня в кабинете, в сейфе лежат. А дома, сама знаешь, – махнула она рукой.

– Тогда не отвлекай меня. Итак, тебе необходимо появиться в полиции со списком, что у тебя пропало из квартиры. Соответственно перед этим квартиру необходимо осмотреть и проверить.

– Катя, общение с компетентными органами дурно на тебя влияет. Ты стала разговаривать их канцелярским языком. Это просто ужасно!

– Зануда! Я тут переживаю, волнуюсь за тебя, общаюсь с этими... органами, а ты!

– Ага, а я – зануда и придира!

– Так, потом к тебе приходят вневедомственные органы устанавливать сигнализацию! И не надо делать такие страшные глаза! Приходят! – с нажимом сказала Катя. – И это не обсуждается.

– Катя, я думаю, это бесполезно. Тот, кто вломился ко мне в квартиру, искал книгу, которую оставил Кощей. Мы с бабушкой так решили, ну просто больше нечего искать. А раз его интересует эта книга, думаю, ему твоя сигнализация и бронированные двери не помешают. И потом, книга-то я с собой взяла!

– Да? – язвительно спросила Катя. – Тогда зачем было выламывать твои деревянные, мог бы сквозь стену пройти!

– Да, кто его знает, может для создания эффекта, страху нагнать.

Пока размышляли о том, что нужно было злоумышленнику, добрались до дома. И надо бы было сознаться Кате, что картина умышленно разорённого дома всё-таки повергла Яги в ужас. Но она взяла себя в руки, хотя очень хотелось сразу же позвонить бабушке.

В квартире творился разгром. Подоконники были вырваны с корнем, выкинуты и будто намеренно испорчены все вещи, книги; шкафы были перевёрнуты, кровать изрезана, посуда побита и безжалостно убиты цветы. Цветы особенно было жалко. Жить в такой квартире казалось невозможным.

Не тронули почему-то только письменный стол. Хотя все ящики стола были также варварски сломаны, но поверхность стола осталась такой же: фотография с Кошеем в Питере, его записки, собранные в конверт, нетронутый ноутбук и... книга. Ещё одна книга, которой до отъезда Ядвиги не было.

Катя ходила за Ядвигой и испуганно заглядывала ей в глаза:

– Ягуша, ты не молчи, ладно? Ты покричи поругайся, ну... ну... сматерись, что ли! Я никому не скажу! Только не молчи! Это же страшно, когда вот так!

– Катя, – Ядвига уже взяла себя в руки, – а скажи, вот ты, когда пришла и увидела весь этот беспорядок, видела книгу на столе?

– Какую книгу, Ягуша? – Катя спросила это очень осторожно и тихонько погладила подругу по руке.

– Ну вот же... – Ядвига показала на стол, – прямо на столе, рядом с ноутбуком. Тоненькая такая, старинная. Странно, правда, всё сломано и перевёрнуто, а стол не тронут. Всё как было. И ещё книга.

Глава 11

Вот же, книга, тоненькая на столе лежит, опять перетянутая бечёвкой. Почему её Катя не видит? Ядвига очень осторожно взяла книгу, попыталась развязать верёвочку, но она не поддавалась.

– Эта книга? Странно, Ягуша, – Катя передёрнула плечами, – вот теперь, в твоих руках я её вижу. А на столе – нет. Видимо, опять – персонально для тебя! Ой, как я люблю все эти тайны! Ну, давай разрежь ты эту верёвку, а то я лопну просто!

– Нет, я развяжу, вдруг чего испортим.

– Да, с этой, вашей магией, чего угодно можно ожидать. Разрежешь, и всё пропадёт! Пуфф!

– Легко! Я теперь, пуганая ворона. Бабушка столько порассказала, в последние уроки, по технике безопасности, что я удивляюсь, как я до сих пор жива ещё!

– Ладно, это ты мне потом расскажешь, все эти ужасы, страсть как любопытно, но ещё любопытнее, что там написано!

Ядвига, сломав ноготь, развязала-таки, упрямый узел. Трясущимися руками, от напряжения и волнения осторожно открыла книгу. Тоненькая книжка, по-старинному обвёрнутая в хрустящую упаковочную бумагу, открылась сразу на титульной странице, там заголовок, набранный ещё дореволюционным шрифтом «Пособие для комплексующей Бабы Яги. Как вернуть молодость».

Ядвига, как истинный библиотекарь принялась изучать книгу, по привычке, но не удержалась и хмыкнула на такое название. И так – год издания 1901 год, на титульной странице, под заголовком нарисована очень красивая дама, книжка, потрёпанная местами. Внутри стоит экслибрис – череп и кости, с надписью «Из личных книг профессора Кощеева», как положено на титульной странице и семнадцатой. У Ягги, задрожала губа, при виде этого экслибриса, но она вздохнула и взяла себя в руки. Осторожно освободила книгу от хрусткой обёртки, и увидела – на внутренней стороне обложки, где обычно пишут дарственную надпись – написано пером, с небольшими кляксами, и явно второпях, выцветшими от времени чернилами:

«Ягги! Всё очень просто – нужно воображение и вера в себя. Представила, поверила и стала моложе. Это уравнение верно в любой линейный отрезок возраста. Захотела стать старухой (ну, всяко бывает) – представила, поверила и стала. С воображением у тебя нет проблем, а вот с верой – беда. Кощей».

В остальном книга представляла собой совершенно пустые страницы. Без сомнения, старинные, но пустые. Ядвига не поленилась, пролистала её всю, просмотрела на просвет, вспомнив все возможности прочтения скрытых записей, подержала над свечой, на предмет написания молоком или соком растений, словно революционер-подпольщик. Надеялась до последней страницы хоть что-нибудь найти, но пусто. Кроме самой последней страницы, где обычно пишут где, когда и кем отпечатано, какое издательство, автор, художник. Написано «Издательство «Вера», 1901 год, адрес, отпечатано с оригинал-макетов, подготовленных в 1373 году.

– Вот это да! – воскликнула Катя. – И что это получается, Ягуш, Костя, что...

– Не знаю, – дрожащим голосом сказала Ягги, – написано очень давно, понимаешь, Катя. Такое ощущение, что этим чернилам, – Ядвига ткнула пальцем в дарственную надпись, – ну никак не меньше ста лет. Посмотри, они уже выцвели, и написано пером, не шариковой ручкой. Кто сейчас пишет перьями? Ну, посмотри внимательно, старые, очень старые и выцветшие чернила.

– Может быть, это не Костя?

– Но почерк, почерк-то его! И обращение! – настаивала Ягги.

– А может быть, что это его дед написал его бабушке? Может быть, ведь, что почерк очень похож? Ты знаешь, как зовут его бабушку?

– Нет. Но, в письме он написал, что его бабушка тоже урождённая Баба Яга.

– Ну вот и всё, Ягги, оттягивать бесполезно. Тебе надо ехать в Питер, к его родным. И всё узнать.

– Мне страшно...

– Страшно – вот так мучится в неизвестности. Когда узнаёшь всю правду, тогда и будешь решать – страшно или нет. Всё, собирайся. Жить в такой квартире, всё равно невозможно. Переночуешь у меня, и в Питер. А мы пока соберёмся с ребятами и ремонт тебе сделаем. – Решительно сказала Катя.

– Кать, ну представляешь, я заявляюсь, и – «здрассти, я невеста Кости».

– Ягуша, главное, вера. Тебе пособие выдано – действуй тренируйся. Меняй возраст. Пока едешь, вполне успеешь. И потом, необязательно сразу рассказывать, что ты невеста, ну, коллега, ну, короче не приставай ко мне – придумаешь по ходу дела. Езжай. Лучше, что ли, жить в неизвестности? Что тебя, бабушка зря учила? – настаивала Катя.

– Да, с тобой сложно не согласиться! Еду!

– Вот и молодец. Сейчас за билетами, ещё заедем в полицию, я обещала тебя предоставить на предмет заявления, потом ко мне.

– Ну, в Питер! Еду. Я решила! – вздохнула Ягги.

– Смотри, Ягги! На книге появляются буквы!

Глава 12

Опять поезд. До Питера ехать почти двое суток, есть время подумать и попробовать поиграть с возрастом.

Что удивительно, стать моложе у Ядвиги получилось почти сразу. Раз! – и будто ластиком стёрлось с лица пятнадцать лет!

Ах, почему же она не поверила Косте раньше! Ведь от скольких переживаний она могла себя избавить. Представила, поверила – и стала моложе Кости. И бросила бы всё, и библиотеку, и город, уехала бы в Питер... ах, о чём сейчас рассуждать.

В голове всё вертелось «Здравствуйте, я невеста Кости. Нет, здравствуйте, я подруга Кости». Ага. Приехала. Через полгода.

Зачем? Для неё понятно зачем: ей надо узнать про Костю, узнать про книгу. Но как объяснить все его родным? Как назло, не придумывалось никакой стройной теории, что ей понадобилось. Порядком, измотав себя этими рассуждениями, Ядвига решила, как пойдёт, так пойдёт. Выгонят, и ладно.

Питер встретил мокрым снегом. Погода, как и положено в Петербурге, менялась на дню раз десять. Солнце, снег, ветер, мокрый снег. И это в марте! Чтобы не травить душу, Ядвига решила не останавливаться в тех же номерах, где они были с Костей. Выбрала совсем простенькую гостиницу, с минимумом удобств, но недалеко от метро.

С самого утра она решила начать с библиотеки, где работал Костя. Ядвига напустила на себя вид дамы лет шестидесяти, степенно поднялась на второй этаж и постучалась в директорский кабинет. Очень удачно хозяйка кабинета оказалась примерно того же возраста. Петербургская интеллигенция, приятный голос, уложенные седые некрашенные волосы, тонкий профиль.

– Здравствуйте. Меня зовут Ядвига Ивановна. Я по поводу Константина Кощеева. Я директор библиотеки, он был у нас в командировке и оставил несколько личных вещей, видимо, по рассеянности. Ах, эта молодёжь! Все торопятся. Как можно ему их вернуть? – заговаривала зубы Ядвига, а сердце сжималось, страхась услышать ещё раз о его смерти.

– Вы знаете, – тяжело вздохнула директриса, – Константин погиб. Трагическая случайность.

– Да, – Ядвига с трудом сдержалась, чтобы не зарыдать, – какой ужас, но, может быть, я смогу вернуть вещи родным? Вы можете мне с адресом?

– Конечно, конечно... – кивнула директор и уткнулась в компьютер.

– А что же случилось? – осторожно спросила Ядвига.

– Авария, видимо, пьяный водитель. Вот адрес, – директриса протянула бумажку.

Заветный адрес получен. Теперь осталось только решить, в каком виде появится перед родными Кости. Ядвига знала, что он жил с мамой и старшим братом. Но Костя не очень любил рассказывать о них.

Решив отложить визит на завтра, Ядвига решила погулять по Питеру, старательно избегая привычных для них с Костей маршрутов, но незаметно для себя пришла к его дому.

Старинный дом в обычном питерском колодце. Квартиры, наверняка, с высоченными потолками. Интересно, какая у него квартира? А мама? Брат? Стоя во дворе, Ядвига размышляла, стоит ли ей подниматься. Рядом неспешно шуршала метлой дворничиха и исподлобья рассматривала Ядвигу, постепенно приближаясь к ней всё ближе и ближе.

– Потерялась, милая? – обратилась дворничиха к Ядвиге.

– Нет, мне Кошеевы нужны. Правильно я пришла?

Дворничиха явно тосковала за своей работой, и ей хотелось поболтать.

– Да, – она оценивающе осмотрела Ядвигу, сделав вывод, что на проходимку она непохожа, и разговорилась. – Правильно. Только дома Кирюша, с этой... – дворничиха поджала губы, явно показывая, что она не ободряет «этой», – а Елены Николаевны нет. Вам ведь к ней? – Дворничиха вопрошающе уставилась на Ягги.

– Да, да, конечно, к ней. А вам что, Кирюшина подруга не нравится? – Ягги решила резко поменять тему, чтобы любопытная собеседница, не стала допытываться, кем, собственно говоря, приходится Елене Николаевне сама Ядвига. Тема была довольно скользкая, поэтому внимание лучше было переключить. Тем более, раз она осуждает Кирюшу и «эту», значит, с удовольствием перемочет им косточки.

– Конечно! Приехала, понимаешь, вертлявая такая, сказала – родственница, а какая она родственница, если совсем непохожа! И болтает, всё по-иностранному, и вертится, вертится. И перед Кирюшей, и перед Костиком, царствие ему небесное, – дворничиха мелко перекрестилась, и с ожиданием опять уставилась на Ягги, мол, ну давай спрашивай дальше!

– А что с Костиком? – ожидаемо спросила Ягги, едва сдерживаясь.

– Как, так вы не знаете? – обрадовалась дворничиха, что нашла слушателя для длинной истории. – Так, давайте, присядем на скамеечку-то. Я ведь в этом доме, почитай, с рождения живу. С мамой раньше жила, она тоже дворником работала, у нас и квартирка там, —дворничиха махнула рукой вглубь двора. – Так вот, я ведь знаю их всех, кто живёт в доме-то. Хоть и нос дерут передо мной, а всё равно, видно, кто с кем, и что у кого происходит. Раньше-то, Елена Николаевна и знать меня не хотела, а как мужа да сына схоронила, и здороваться даже начала, вещички вот некоторые мужа-покойника моему мужику отдала. Муж-то мой ненадолго её мужа пережил. Спился, окаянный. А бабушка ихняя не здесь живёт. Уж какая важная, ходит – королева чисто, а всегда уважительно здоровается «Как поживаете, Любовь Васильевна?» и поклонится, и откуда знает, как зовут? Наши-то, и те не все знают.

– Так что, Любовь Васильевна, – Ягги решила подтолкнуть болтливую дворничиху, – случилось-то у них. И муж, и сын у Елены Николаевны умерли?

– Ой, беда, беда! Муж-то, хороший был, интеллигентный, здоровался всегда, Корней Калистратович, уж кто такие имена придумывает деткам-то! Так он, как поменял работу, бизнес свой открыл, так сгорел просто. Сгорел на работе. Задох и умер. А Костик, весёлый, любил отца, а всё одно – пропал. Задавили его насмерть. А эта, бесстыжая, приехала, когда ещё Костик был, вся чернявая, курчавая, родственница, говорит, и давай охмурять братьев-то. Видать, обженить хотела на себе. Да Костик и не смотрел на неё. А Кирюша, – дворничиха встрепенулась, – ах, вот и Кирюша! Здравствуйте, Кирилл Корнеевич! – Любовь Васильевна соскочила со скамейки, расплылась в подобострастной улыбке.

Из подъезда выходил Костя! Нет, Ягги понимала, что это, конечно, не он. Но парень был очень, очень похож, только холёный и чуть старше. Но, как этот Кирюша похож на Костю! У Ягги предательски зашипало глаза, и запершило в горле. Чтобы окончательно не расплакаться, Ядвига раскашлялась и отвернулась, словно Кирилл мог её узнать.

Кирилл лишь скользнул по незнакомой пожилой даме взглядом, слегка кивнул дворничихе и полностью сосредоточился на спутнице. Действительно, на вид очень вертлявой молодой девице, с длинными кудрявыми волосами, красивой и смуглой. Она что-то тараторила на русском с небольшим акцентом, и постоянно переходила на итальянский, спохватывалась и опять тараторила на русском.

– О, Кир, ты такой умный сеньор! О, Кир!

– Алессандра, ты мне льстишь, дорогая, – снисходительно улыбался в ответ Кирилл.

Но было видно, что Кирюша страшно доволен такой похвалой.

– Кирилл Корнеевич! Тут вот к маменьке вашей...

– Потом, потом Любаша! – Кир отмахнулся от дворничихи, даже не посмотрев на неё, усадил Алессандру в машину, и, газуя, выехал со двора.

– К маменьке вашей... – растерянно пробормотала дворничиха, и посмотрела на Яги, – а кем вы, сказали, Елене Николаевне-то приходиться?

– Любовь Васильевна! Пора мне, заболталась я с вами! Пора! – и Ядвига срочно покинула двор-колодец.

Оказавшись на улице, Ядвига вздохнула несколько раз и успокоилась. Сколько, оказывается, подробностей чужой жизни можно узнать у обычной дворничихи. Её никто не замечает, проходят мимо, а она всё видит, и от скуки делится своими наблюдениями с любым, лишь слегка заинтересованным прохожим.

Интересно, у неё во дворе про неё так же болтают досужие соседки? Может быть, тот, кто устроил обыск в её квартире, вот также постоял под кустами, осмотрелся, послушал пожилых соседок, которые вечно скучают во дворе, и только потом пошёл к ней в квартиру. Фу, как гадко! Ядвига передёрнула плечами от омерзения. И она также копается в чужой жизни! Слушает, смотрит, оценивает! Не очень благородная профессия у сыщика.

Глава 13

Ядвига шла по мостовой и размышляла, как ей лучше появиться перед мамой Кости.

Понятно, что Кирилл – любитель молодых, льстивых красавиц, но как Елена Николаевна относится к новообретённой родственнице? Да и родственница ли она? И потом, какую цель преследует Алессандра, появившись в семье Кощея? Над этим ещё придётся поразмыслить. И почему так? Чем дальше пыталась продвинуться Ядвига, тем больше возникает вопросов, но никак не ответов.

Надо бы ещё, пока не поздно, позвонить бабушке. Разница во времени с Питером значительно больше, чем с её городом. И Кате надо тоже позвонить, она дала самое честное слово, что будет отчитываться в своих подвигах хотя бы через день. Такова её плата за уборку разрушенной квартиры.

Найдя уютное кафе, Ядвига устроилась в самом дальнем углу, но так, чтобы было видно двери. Странная привычка для обычной, ах, да... раньше обычной женщины всегда «прикрывать спину». Раньше Ядвига смеялась над своей, как ей казалось, слабостью. Где бы она ни была, ей надо сесть спиной к стене. Только тогда она чувствовала себя в безопасности и могла спокойно общаться. Но после бабушкиной лекции о технике безопасности и её наставлений на дорогу, вполне возможно, эта привычка оказалась не самым плохим качеством.

Пока ждала свой заказ, Ядвига рассказала Кате о родственнице, не вдаваясь особенно в подробности.

– И что ты решила, подруга? – Катя, как обычно, пошла в наступление. – Как ты пойдёшь? Я тебе, при наличии молодой итальянки, не советую показываться старушкой. Ягуша, стань ещё моложе этой Алессандры и Кирюша тебе всё расскажет! Ты и так красавица. А если добавить ещё очарования... бабушка, надеюсь, дала тебе несколько советов на эту тему? Конечно, дала, – не дожидаясь ответа, решила Катя, – вот и вскружи ему голову!

– Кать, да зачем он мне? От такой, холёный. Фу, ненастоящий какой-то!

– Я тебя что, замуж за него заставляю идти? – возмутилась Катя. – Нет. Пусть, он хоть какой! Тебе от него нужна информация! Представь, что ты суперагент в тылу врага!

– Катька, – засмеялась Ядвига, – ты всё перепутала, и тыл врага, и суперагент. Эти понятия как минимум полвека в истории разделяют.

– Не занудничай, дорогая. Ты прекрасно поняла, что тебе надо сделать. С утра встала, приняла боевой вид и раскрас и вперёд покорять всех!

– А мама Кощея? Ей то, что сказать?

– Яги, ты сама подумай. Скажи, – Катя задумалась, – скажи, что ты работала с ним в одном отделе в своей библиотеке, а сейчас тебя послали опытом обмениваться, а он книгу забыл, вот ты заботливая и привезла!

– Книгу? – испугалась Ядвига.

– Ты скажи, а показывать тебя никто не заставляет! Забыла в номере, вот ещё повод встретиться. Скажи, что приехала, а вспомнила, что книгу в номере оставила, но решила зайти, узнать, нужна ли она им, или в библиотеку вернуть, где Костя работал. Всё! Прикинься дурочкой!

– Я не смогу... – запаниковала Яги.

– Сможешь. Пару минут сможешь. Ты же умная. А сама смотри, кто и как реагирует, а дальше по ходу определишься!

– Ну, Катька, вот кому надо в суперагенты идти, а не ангелов делать, а то прикидываешься ангелоподобной личностью, а сама коварная!

– Твоя беда, Ягуша, что ты слишком интеллигентна. Но, тут уже ничего не сделаешь, решила узнать, что с Костей и кто тебе квартиру поручил, значит, интеллигентность свою

засунь подальше, и вперёд! – неожиданно серьёзно закончила Катя. – А завтра, не забудь отчитаться. Иначе я порвусь, на тысячу мелких злобных хомячков! – опять съехала на свой привычный тон ангелоподобная личность.

Допивая свой чай, Ядвига закончила слушать уже наставления от бабушки, которая тоже требовала срочного отчёта после встречи. Она дала несколько советов, как вести себя, как действовать, в какой ситуации, и практически полностью согласилась с планом Кати. И книгу, напомнила ещё раз, не отдавать ни в коем случае.

Завтра – решающий день. Ядвига расплатилась и поехала в гостиницу, совсем не такая воодушевлённая, как её собеседницы.

Глава 14

Утром, чтобы настроиться, Ядвига выпила две кружки чаю, и всё равно где-то внутри всё тряслось.

Сначала она решила остановиться на стиле близком Косте: множество цепочек, кожанка, и она сама – вся такая юная и растрёпанная. Но, вспомнив, что идёт на свидание к Киру, она решила предстать красивой, изнеженной и немного ветреной особой, а по пути подкорректировать образ всегда можно.

Яги долго крутилась перед зеркалом, выбирая, какой она хочет быть. Всё-таки весело примерять новую внешность, как новое платье. Волосы решила оставить свои, длинные. Только распустила свою обычную строгую култышку – так Катя презрительно называла её строгий пучок на голове. Уложила волосы локонами, яркие губы изогнула в капризном изгибе, зелёные глаза сделала чуть больше. Главное, настроиться и не выпасть из образа. И помнить, что она теперь не серьёзный директор библиотеки или Баба Яга, а немного взбалмошная девчонка и сыщик.

Чтобы потренироваться, Яги в своём новом образе по дороге меняла походку, строила глазки проходящим мужчинам. Свысока поглядывала на проходящих мимо дамочек, и к дому Кости, уже совсем освоилась.

Зайдя во двор, Яги увидела дворничиху, лениво помахивающую метлой, хотела поздороваться, как воспитанная дама, но вспомнила, что видит её в первый раз. Автомобиль Кирилла стоял на месте, это хорошо. Яги, для уверенности покачала бёдрами и независимо прошагала к подъезду.

– Ты, к кому? – строго спросила её дворничиха.

– Не ваше дело, – слегка схамила Ядвига и сама же ошеломлённая своей наглостью нажала кнопку домофона.

– Да? – немного лениво ответили на том конце. – Кто там?

– Кир? – как можно обольстительней и загадочней произнесла Яги.

– Я вас знаю? – интонация в голосе Кирилла сменилась удивлением.

– Нет, но думаю, вам понравится, – проворковала Яги, шалея от своих способностей.

– Посмотрим, – с вызовом произнёс Кирилл и нажал кнопку. – Четвёртый этаж.

Поднявшись в скрипучем, старом лифте на нужный этаж, Яги, вздохнула и нацепила улыбку.

– Ты ко мне? – нахально, по мнению Яги, спросил Кирилл и оценивающе скользнул по ней взглядом.

– Если этот красавец Кирилл, то да, – Яги опустила голос на октаву ниже.

– Ну, проходи. Рассказывай, зачем я тебе понадобился?

– Кирюша, дорогой, кто там? – из глубины квартиры послышался такой же барский с ленцой, только женский голос.

– Мама, это ко мне, – сказал Кирилл.

Тут, главное, не переборщить с комплиментами, чтобы не слиться в образе с Александрой, решила Яги. И слегка отрезвила Кирилла:

– Ну, не только к тебе, не обольщайся!

Это возымело успех. Кирилл удивился, слегка приподнял правую бровь и ухмыльнулся, показывая всем видом, что удивлён.

– А к кому ещё, к маме? – насмешливо поинтересовался он.

– Да, к вам, обоим.

– О, это уже интересно. Ну, проходи в гостиную, – почти галантно пригласил Кирилл. – Мама, это, оказывается, к тебе. Присаживайся, – разрешил он Ядвиге и выдвинул тяжёлый стул.

Гостиная, совмещённая со столовой, высокие потолки, бархатные шторы, и везде дорогие старинные вещи, выставленные немного напоказ. Будто в музей попала, подумала Ядвига. Она присела на стул, скрестила и вытянула ноги, как положено по этикету, и постаралась изобразить светскую даму, подходящую под этот интерьер.

– И кто же к нам пожаловал? – в гостиную вплыла величественная дама в шелковом богатом халате в пол.

– Вот, мама, – Кирилл указал на Ягги, как на вещь, и усмехнулся.

– Здравствуйте, – Ядвига улыбнулась и слегка кивнула, – Елена Николаева и Кирилл Корнеевич.

– О! – опять удивился и уже заинтересовался Кирилл.

– Здравствуйте, барышня, – скучая, ответила Елена Николаевна. – С чем пожаловали?

– Я, с поручением к вам, – Ягги сделала скорбное лицо. – Может, не очень приятным, но в прошлом году Константин Корнеевич был у нас в командировке.

– Костик... – в скучающем голосе Елены Николаевны скользнули жалобные нотки при упоминании сына. – И что?

– Нет, нет, не волнуйтесь, Елена Николаевна. Просто я приехала в командировку, в его библиотеку, и наш директор просил кое-что вам передать.

– Да? И что? – очень насторожённо, но торопливо спросил Кирилл.

– Он оставил какую-то книгу в нашей библиотеке.

– Книгу? – Кирилл уже не скрывал своего нетерпения. – Где она?

– Я привезла её с собой в Питер, – улыбнулась Ягги.

– Какую книгу, милочка? – более добродушным тоном поинтересовалась Елена Николаевна.

– Не знаю, какая-то старая.

– Ты ведь тоже библиотекарь? – Кирилл будто взял себя в руки и спросил это очень обольстительным тоном. – Как наш незабвенный Костик?

– Да, но это скучная профессия, – Ягги надула губки для образа.

– Может быть, выпьем кофе? – продолжил Кирилл.

– А как вы сказали, вас зовут? – вклинилась Елена Николаевна.

– Вы ещё не интересовались этим, – слегка обиделась Ягги, – Марина.

– Мариночка, давайте выпьем кофе, вы ведь не торопитесь? – наконец, проявила гостеприимство Елена Николаевна.

– Или чего-то ещё, – Кирилл сузил глаза и постарался улыбнуться, – покрепче? Коньяка?

– О, Кир, я хочу коньяка! – в гостиную впорхнула Алессандра. – Это кто? – Она указала на Ядвигу.

– А это кто? – не удержалась и в ответ спросила Ядвига. – Я, Марина. А ты кто?

– Меня зовут Алессандра, – чопорно и недовольно поджала губы итальянка. – Я есть внучатая племянница Кирилла и племянница моей любимой тётушки Елены. Понятно? – Алессандра надменно посмотрела на Ягги.

– Санечка, – Елена Николаевна с нежностью улыбнулась итальянке, – не волнуйся, коньяка хватит всем.

– Ну что вы, – теперь Ядвига чопорно поджала губы, – ещё полдень, кофе подойдёт больше. А коньяк можно будет выпить вечером, правда, Кирилл? Тем более что нам всё равно придётся встретиться ещё раз, книгу-то я забыла взять с собой. – Ядвига вызывающе перекинула ногу на ногу, «как в дешёвом кино...» – подумала она.

– Конечно! – слишком быстро согласился Кирилл, чем очень расстроил Алессандру.

Итальянка фыркнула и демонстративно вышла из комнаты. Кирилл хотел догнать Алесандру, но остался и пытался при этом сохранить любезное выражение на лице.

– Пожалуй, мне пора, – Ядвига, решила больше не мучить Кирилла, – у меня дела. Мне очень, жаль, – не упустила она, случая всё же уколоть его, – что твоя внучка обиделась на тебя, дедушка.

– А книга? – напомнил Кирилл.

– Ах, я такая рассеянная, собираться к вам и забыть её. Но, есть повод встретиться, да, Кирилл?

– Я буду только рад! Может быть, тебя подвести?

– Нет, что ты, не утруждайся, утешь внучку, а я прогуляюсь. До вечера!

Глава 15

Странно, Ядвига так хотелось познакомиться с родными Кости, столько волнений, сил и подготовки к этому моменту, а в итоге – желание поскорее вырваться из этого дома. Ненасущего дома. Удивительно, что Костя мог родиться в такой семье, и воспитан такой матерью.

Кир и Елена Николаевна, действительно родные, похожие друг на друга, и близкие. А Костя, Костя чужой в этой семье. Ягги выпорхнула из парадного, под неусыпным надзором дворничихи, и ворчание «ходят тут всякие», и решила, немного похулиганить:

– Любовь Васильевна, вы бы, по-вежливей, разговаривали с приличными барышнями!

– Ты-то, приличная! И откуда ты меня знаешь? – подозрительно прищурившись спросила дворничиха.

– Вы, поразительно похожи на маменьку! И разговор такой и доброта во взгляде, и фигура.

– Маменьку! – взъярилась Любовь Васильевна. – Маменька богу душу отдала, когда тебя, сикавки, ещё на свете не было! А ну! Пошла отсюда! – и дворничиха двинулась к Ягги, угрожающе размахивая метлой.

«Да, наверное, я палку-то перегнула с Любашей» – тут же срефлексировала Ягги. «Да, ладно!» – непривычно беззаботно отнеслась к поддразниванию дворничихи Ядвига, и вышла из двора.

Надо бы разобраться во всех хитросплетениях родственных связей, с этой Алессандрой, и с Киrom, совсем, похоже, не расстроенным смертью Кости. Но и Елена Николаевна, тоже не сильно горюет. Или, это просто такое, строгое воспитание, что непозволительно выставлять свои чувства перед незнакомыми людьми?

Нет, всё равно странно, как там Кир сказал «незабвенный Костик», при всей чопорности, такое недопустимо.

– Кар!

Ядвига, оторвавшись от размышлений, стала вертеть головой по сторонам, отыскивая, кто её так отвлёл.

– Кар!

– А, это ты? – Ягги увидела ворона, сидящего на решётке Михайловского сада. – Это ты мне?

– Кар! – утвердительно ответил ворон.

– Замечательно! Я рада, что ты со мной решил поговорить. Прогуляемся? – улыбнулась Ягги.

– Кар! – ворон, переваливаясь, с готовностью шагнул.

– Вот, и как ты думаешь? Странное отношение к собственному брату, тем более погибшему – «незабвенный», – Ягги попыталась передразнить Кира.

– Кар! – согласился ворон.

– И я думаю, странное. Не любил он его. И маменька его тоже не сильно убивается, по сыну. Жалость есть, конечно, но горя, горя, я не заметила, – задумчиво произнесла Ягги.

Ворон перелетел чуть вперёд и внимательно посмотрел на Ягги.

– И Алессандра эта, что-то ей очень надо, от «дедушки», и перед тёткой вьётся. Зачем она приехала к ним? Зачем она пыталась обоих братьев соблазнить? Что ей надо? – спросила Ягги.

– Кар!

– Что «кар да кар»? Чем дальше, тем больше вопросов! А ответов? Ответов-то нет совсем! Вот и «кар»!

– Кар! – ворон внимательно посмотрел на неё, немного склонив голову, потом взмахнул крыльями и улетел.

«Ну вот, обидела», – расстроилась Ядвига. И где-то внутри у неё прозвучало «Кар»!

«Так, надо успокоиться, а то с воронами начинаю разговаривать, это не к добру» – по старой, ещё до яговской привычке подумала Ядвига, мотнула головой, и решила выпить кофе, чтобы этот морок рассеялся.

Опять устроившись в кафе, в самом дальнем углу, Ягги решила поговорить с бабушкой. Рассказав ей все свои вопросы, как ворону, поразмышляв над отношениями в этой странной семье, Ядвига выслушала от бабушки столько наставлений, что голова пошла кругом.

Да, бабушка была встревожена, и не на шутку.

Чем?

Очередной вопрос. Но, очень настойчиво бабушка просила не оставлять нигде книгу, и таскать её везде с собой, напомнила и ещё раз про осторожность и про её торопливые уроки по безопасности. Ягги хотела рассказать про ворона, но потом решила, что это глупости. Что это просто от перенапряжения ей померещилось, что она разговаривала с вороном.

Глава 16

Кирилл стал названивать почти через час, приглашая, встретится, предлагая всяческую помощь, чтобы доехать до гостиницы и забрать книгу, показать достопримечательности города, и ещё много соблазнительных вещей, для молоденькой дурочки. Всё это, конечно, было необходимо для того, чтобы поскорее выманить книгу у Ягги.

– Надеюсь, – Кир интимно понизил голос, – что такой прекрасный библиотекарь, как ты, Мариночка, уже заглянула в книгу? О чём она?

– Ну, что ты Кирюша, – не менее задушевым и волнующим голосом проворковала Ядвига, – как можно заглядывать в чужие книги? Это ведь как письма, а вдруг там скрыта тайна?

– Тайна? – Кирилл от неожиданности напрягся, и в голосе прозвучал страх. – Какая тайна? Так, ты читала книгу?

– А что, это надо было сделать? – Ягги прикинулась дурочкой, ей очень понравилась дразнить Кирилла, раскачивая маятник «дурочка – стерва», и он неизменно на это попадался. – Я не знала, прости, меня Кир, – Ягги опять понизила голос и заворковала, – но я всегда думала, по своей провинциальной привычке, что нельзя читать чужие книги, письма и смски. И потом, книгу, мне выдали запакованной, я не стала её открывать.

– Конечно, конечно, Мариночка, – успокоенно вздохнул Кирилл, – но почему же, провинциальной? Ты такая красивая, утончённая, что никак нельзя подумать о твоей провинциальности.

– Правда? – для убедительности Ягги даже захлопала ресницами, но сообразила, что по телефону этого не видно, и усмехнулась, до чего ж в образ вошла!

– Конечно! – Кирилл очень быстро поддакнул. – Ну, что, мы сегодня встретимся? Раз ты занята сейчас, может быть, вечером поужинаем? Я знаю, такое романтическое местечко! С удовольствием бы побывал там, с тобой.

– Да? А с Алессандрой ты там уже бывал? – съязвила Ягги.

– Далась тебе эта Алессандра! – неожиданно рассвирепел Кирилл.

– Ой, прости, Кирюша, – Ягги поняла, что перегнула палку со стервозностью. – Прости, прости, просто ты мне очень нравишься. Конечно, барышня не должна говорить такие вещи мужчине, но Алессандра, – Ягги тяжело вздохнула, – она, конечно, твоя родственница, но такая далёкая...

– Ну, почему же, не должна, – смилостивился Кирилл, – мне очень приятно это слышать. Так, откуда тебя забрать?

– От библиотеки. В семь.

– Прекрасно.

Теперь Ядвиге осталось явиться туда к семи часам. Было в запасе пара часов, на то, чтобы спокойно допить чаю и подумать.

В семь часов, очень пунктуальная Ядвига, стояла на ступеньках библиотеки, поджидая Кирилла. Он, не замедлил появиться, опоздав всего-то – на пять минут. К вечернему свиданию Кирилл подготовился основательно. Ослепительно улыбаясь, он бежал по ступенькам в распахнутом пальто, с громадным букетом красных роз.

– Мариночка! – Кирилл поклонился и поцеловал руку Ядвиги, потом чуть коснулся её щёки и интимно прошептал на ушко. – Ты выглядишь божественно!

«О боже, по-моему, он начитался дамских романов!» – подумала Ядвига, но вслух проворковала совсем другое:

– Кирилл, ты так романтичен!

– Ты замёрзла, пойдём скорее! – он приобнял её за талию поволол к машине.

Всё продуманно и подготовлено таким образом, чтобы у провинциальной дурочки затряслись колени от внезапно свалившегося на её голову счастья, в виде столичного принца.

Всю дорогу, Кирилл шутил, улыбался и целовал руку Ядвиги, проникновенно глядя ей в глаза. Розы Ягги ненавидела, но восторженно прижимала к себе всю эту охапку, и, смущаясь, прятала в них лицо.

– Как оттенок этих роз, подходит к твоим губам! – добавил романтики Кирилл. – Я им даже немного завидую, твоим розам.

Ягги начало мутить от такого накала романтических чувств, но вечер ещё только начинался.

Ресторан был подобран идеально, пафосный, довольно уютный с панорамным видом на Исаакиевский собор. И очень дорогой. Официант заторопился, неся громадную вазу под букет, одобряюще улыбаясь.

– Шампанского? – лучась, предложил Кирилл.

«Водки!» – подумала Ядвига. Но вздохнула и восторженно согласилась:

– Конечно!

«Господи, как тяжело быть дурой», – уже затравленно подумала Ягги, продолжая улыбаться.

– Ну, расскажи мне, о себе, – Кирилл в очередной раз приложился к руке Ядвиги.

– А что рассказывать? – томно вздохнула Ягги. – Всё просто росла-росла и выросла.

– Ты шутница, – улыбнулся Кирилл.

– Лучше ты мне расскажи. Вы такие разные с братом. Ты, такой красивый, успешный, такой! – от избытка наигранных чувств и восхищения Кириллом Ядвига захлопала ресницами. – А он, – Ягги, не удержалась и немного судорожно вздохнула, – я всего его пару раз видела, но, – она выразительно пожала плечами, – как будто он не из вашей семьи. Ты похож на маму, красивый, утончённый, – продолжала расхваливать Ягги, – а он...

– Да, – согласился Кир, – он был совсем на нас непохож. Он папин сын. Папа тоже был библиотекарем. Но, всё же понял, наши доводы, наши с мамой, и бросил эту профессию. Что она может дать? Ни денег, ни силы – ничего. Мало того, Костик, —жёстко хмыкнул Кирилл, несколько выходя из роли, – представляешь, он влюбился в библиотекаршу, намного старше себя. В старуху!

Ядвига, от возмущения поперхнулась шампанским, закашлялась. Первый раз в жизни она испытала дикое желание всадить вилку, в эту холеную барскую руку, и не один раз, а несколько, бить, бить до тех пор, пока не исчезнет это самодовольное выражение.

– Кар?

Ягги дёрнулась, сбросив это кровавое наваждение, и увидела на карнизе ворона. Он неторопливо разгуливал и внимательно смотрел на Ягги.

– Пузырьки? – хмыкнул Кирилл. – Держи салфетку. Ну, конечно, – он решил вернуться на романтический тон, – библиотекари бывают разные, вот ты, – он томно посмотрел на покрасневшую, от кашля Ягги, – ты божественна. Даже странно, как ты решила, идти учиться на библиотекаря. Тебе надо было в модельный бизнес! Хотя, мы бы тогда не встретились, – вздохнул Кирилл.

– Да, сама удивляюсь, – Ягги справилась с волнением. – А ты чем занимаешься? У тебя свой бизнес, я правильно поняла? Да, и такой мужчина, – она решила, умаслить, в очередной раз Кирилла, – такой мужчина не может подчиняться кому-то!

– Конечно! – надулся от гордости Кирилл. – У меня несколько предприятий. Продажи, инфобизнес, да много ещё чего. Зачем забивать такую прелестную головку всякими сложностями.

– И что меня приятно удивило, – Ягги пропустила «прелестную головку», хотя желание ещё раз схватиться за вилку возникло, – такой мужчина, успешный, молодой и ты живёшь с

мамой. Это так замечательно, что ты держишься за семью, оберегаешь маму, и не бросаешь её в такой момент. Какой бы ни был твой брат, он ей сын, и для неё тяжело его потерять.

– Да, – Кирилл отпил шампанского, – я горжусь этим, я люблю свою мать.

– Это редкое качество сегодня! И потом, как повезёт твоей жене...

– Да? – Кирилл удивлённо поднял бровь. – В чём же именно?

– Ну, как ты относишься к своей матери, так ты будешь относиться и к своей жене. Меня так учила бабушка, – Ягги под столом, на всякий случай, скрестила пальцы.

– Кар? – совершенно явственно удивился ворон на карнизе.

– Да! – завершила ворона Ягги.

– Сразу, видно, дорогая, что ты из хорошей семьи, – похвалил Ягги Кирилл. – Знаешь, я хотел тебя спросить про книгу?

– Кирюша, я не успела заехать в гостиницу, – Ягги смущённо опустила ресницы.

– Ты прелестна в своей забывчивости! – как можно мягче попытался сказать Кирилл, и потянулся, чтобы поцеловать Ядвигу в губы.

Ядвига запаниковала, пытаясь придумать, как ей поступить.

– Вам нельзя сюда! – в зале послышался спор официанта и женщины.

– Я не спрашивать вас! – это кричала возмущённая Алессандра. И не только кричала, но и со всей своей итальянской страстью отпихивала официанта и настойчиво продвигалась к столику Кирилла и Ядвиги. – Ай, так я и знала! Ты полюбить, эту мерзавку!

Глава 17

Кирилл дёрнулся от неожиданности и попытался встать с кресла. Но с первой попытки не получилось. Он тяжело плюхнулся обратно.

– Алессадра! Что ты здесь делаешь?

– Что я здесь делать? – от возмущения Алессандра забыла все русские слова, и затараторила на итальянском. Быстро, быстро, как пулемёт, и добавила, видимо, для того чтобы хорошо её поняли, несколько ударов небольшой, но увесистой сумкой прямо по голове Кириллу.

Кирилл, наконец, совладал с конечностями, встал с кресла и довольно неуклюже попытался уворачиваться от ударов сумкой.

– Что я здесь делать? – вспомнила Алессандра русские слова и увидела свою обидчицу. – Это ты, мерзавка! Ты похитить моего Кира!

– Нет, нет! – Ягги стала тихонько отступать от Алессандры, пытаясь спрятаться за огромным букетом роз. – Мне не нужен твой дедушка.

– Я не дедушка! – обиделся Кирилл.

– Ты подарил ей красные розы! – совсем расстроилась Алессандра. – Красные! Розы страсти! – Алессандра нанесла сильный удар по букету, отчего в разные стороны брызнули кроваво-красные бутоны, осколки от разбитой вазы и вода.

Ягги воспользовавшись минутной заминкой, после такого взрыва, и улизнула за колонну. Со всех сторон к очагу военных действий спешили официанты, и по-дурацки улыбающийся удивлённым гостям ресторана управляющий. Ягги, не стала дожидаться развития событий, а лавируя между официантами и столиками, направилась к выходу. До самого выхода из ресторана она слышала возмущённые крики Алессандры:

– Ты подарить ей мои, мои розы! Ты привёл её в мой ресторан! Ресторан нашей любви! Ты мерзавец!

Крики подтверждались точными ударами сумочки. Но этого Ягги уже не видела. Выбежав на морозный воздух, она выдохнула, и улыбаясь пошла по Невскому. Прекрасный поворот событий! Главное, не пришлось целоваться с этим ... мерзавцем! Всплыло в голове любимое выражение Алессандры.

«Да, я с ней, совершенно согласна! Я бы, пожалуй, тоже пару раз стукнула его сумочкой по голове, нет даже три раза», мстительно посчитала Ягги, – «один раз за розы, один раз за старуху, и ещё раз за отсутствие фантазии! Это надо же таскать всех в один и тот же ресторан! И цветы всем одинаковые дарить! Мерзавец, и никакой фантазии».

Ягги расслабленно ещё побродила по Невскому, постояла на любимом Банковском мостике, печально вздохнула, и поймав такси, поехала в гостиницу. Выпила кофе, посидев в гостиничном кафе, беспечно болтая ногой. Думала попытаться прочитать книги, оставленные Костей, но адреналин ещё гулял по организму, не давая сосредоточиться.

Так, бесцельно, досидев в кафе до одиннадцати, и не отчитавшись перед бабушкой, пошла спать. Зайдя в номер, на карнизе окна увидела ворона. Он сидел, нахохлившись, и, видимо, довольно давно её ждал. Ягги открыла створку:

– Ну, и чем там всё закончилось?

– Кар, – насуплено сказал ворон.

– Давно ждёшь. Понятно, – сделала вывод Ягги. – Обиделся.

– Кар.

– Ну ладно, Кар. Бабушке вот не позвонила. Она, наверное, волнуется, но уже поздно, не буду будить.

– Кар! – возмутился ворон и улетел.

– Кар...кар... – передразнила его Ягги, – холоду только напустила из-за тебя.

Обиженно захлопнула окно. Чувство одиночества в этом, раньше очень любимом городе накрыло, Яги забралась в постель и заплакала.

Глава 18

Утром Ягги собралась позавтракать, отчитаться перед бабушкой и поразмыслить над дальнейшими действиями. Снова в гостиничное кафе идти не хотелось, какое-то там всё пластмассовое на вкус, даже кофе, не говоря уж о чае, к которому Ядвига предъявляла повышенные требования.

Поэтому решила прогуляться до ближайшего кафе рядом с гостиницей. Там она получила вполне удовлетворительный чай, в чайнике, овсянку и пирожное. Также получила выговор от бабушки и Кати. Но, как-то не особенно расстроилась, и опять забыла рассказать бабушке о вороне, из-за нагоняя. рассеянно вышла из кафе.

На сегодня запланировала найти бабушку Кости, и никак не могла решить, сразу пойти или зайти в гостиницу переодеться. Состояние рассеянности, преследовавшее её со вчерашнего вечера, стало раздражать, и чтобы хоть как-то от него избавиться, Ягги решительно направилась в гостиницу переодеться и поехать к Киру во двор, поговорить с дворничихой.

Зайдя в номер, Ягги остановилась на пороге, вся рассеянность мигом исчезла. Весь номер был перевёрнут, все вещи валялись на полу. Был обыск, причём такой же, грубый и нахальный, как у неё в квартире. Ягги, бессильно села на кровать.

– Кар! – поздоровался ворон, заглядывая одним глазом в окно.

– Ты ведь видел, кто это сделал? – строго спросила Ядвига.

– Кар... – то ли подтвердил, то ли опровергнул ворон.

В сумочке зазвонил телефон.

– Да, – устало протянула Ягги.

– Ты ведь носишь книги с собой, да, Ядвига? – спросила её бабушка.

– Да, – удивилась Ягги. – А почему ты именно сейчас, решила это уточнить?

– Ты забываешь, Ядвига, что твоя бабушка – Баба Яга.

– Ты знаешь, что мой номер обыскали?

– Ну, я догадываюсь, – неопределённо ответила бабушка.

– Догадываешься, – Также неопределённо сказала Ягги. – Хочешь сказать, что ты видишь на расстоянии?

– Ну, можно сказать, и так. Если книги с тобой, значит, беспокоится не о чем.

– Если ты видишь на расстоянии, то почему утром я получила, от тебя взбучку? – Ягги внутренне подобралась, от рассеянности не осталось и следа.

– Ядвига, не отвлекайся, от намеченного. Поговорим вечером, – и бабушка, совершенно невоспитанно повесила трубку.

«Не отвлекайся, беспокоится не о чем» – ворчала про себя Ягги и переодевалась.

– Кар.

– А ты не подсматривай! – рассердилась она на ворона.

– Кар, – ворон нахохлился и отвернулся.

Ядвига, решив разобраться с этим бардаком позже, привела себя в порядок, стала солидной дамой, лет шестидесяти, такой, какой приходила в первый раз во двор Костиного дома и беседовала с дворничихой.

«Так, её зовут Любовь Васильевна», – напомнила себе Ягги и отправилась в знакомый двор-колодец.

Дворничиха, с раннего утра разгребла весь снег и теперь явно тосковала. Но во дворе никто не показывался, видимо, с переменной погоды все её основные собеседницы сидели по домам, и носа на улицу не казали. Она недружелюбно глянула на входящую Ядвигу, но вспомнила, что уже видела её, и, кажется, они приятно поболтали.

– Снегу-то! – приглашающее, воскликнула она и махнула метлой. – В марте-то! Ну и весна.

– Здравствуйте, Любовь Васильевна! – подчёркнуто радостно приветствовала её Ядвига. – Рада вас видеть! Как здоровье? С утра на посту?

– С утра, с утра. Пока снег разгребла, пока урны проверила. Вот теперь отдыхаю.

– И правильно. Перерывы надо делать! Здоровье беречь! В нашем-то возрасте!

– Да уж, давление замучило, и что только не делала, к врачам ходила, да толку-то от врачей.

– А травки, травки-то пили? Говорят, иногда очень помогают.

– Ай, – раздражённо махнула рукой дворничиха, – какие травки! Нервничать не надо, и всё хорошо будет! А как не нервничать? Вот сегодня! Помните, рассказывала вам, про бабушку-то, Кирюшину? Вот ведь до чего приличная дама, всегда поздоровается, по имени-отчеству назовёт, и как вы, про здоровье спросит, хоть и важная, всё равно – уважительно ко мне относится. А сегодня! Приехала, на такси! Сама!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.